

Виктор ЗОНИС

ИДАЛЬГО
ИОСИФ

CF FOLIO

Виктор Зонис
Идальго Иосиф

«Фолио»

2015

ББК 84(4УКР)

Зонис В.

Идальго Иосиф / В. Зонис — «Фолио», 2015

ISBN 978-966-03-7349-5

...Пятнадцатый век, бурный и противоречивый, уходил прочь, породив на изломе времени совершенно нового человека – дерзкого и дерзающего. Уже рассекали волны каравеллы генуэзца Христофора Колумба, несясь через океан к неизвестному континенту и своему бессмертию, уже были сконструированы телескопы, которым суждено было приблизить человека к звездам, и уже пылали по всей Европе костры, разоженные мрачным инквизитором – Торквемадой...

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7349-5

© Зонис В., 2015

© Фолио, 2015

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	48
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Виктор Зонис Идальго Иосиф

Иллюстрации *Ильи Шейна*

Художник-оформитель *Л. П. Вировец*

© В. Е. Зонис, 2015

© И. Шейн, иллюстрации, 2015

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2015

***

Уважаемые читатели!

Чтобы не вызвать у искушенных в исторической науке людей нареканий, имена некоторых персонажей этой книги и место, где эти события происходили, – изменены. Возможно, этих людей не существовало как исторических личностей вообще. Но их совокупность и общество, в котором они жили, так же реальны, как реален тот мир, в котором мы с вами сегодня живем.

В попытке добиться большей достоверности в описании событий того времени – действительных и возможных, причин, эти события вызвавших, я посчитал правильным обезличить историческую и фотографическую подлинность отдельных персонажей.

В. З.

Книга первая

На изломе времени

Глава 1

Иосиф бен Эзра – сорокалетний красавец и умница – понуро сидел во дворе у фонтана, машинально отправляя в рот нежнейшие, любовно выпестованные испанским солнцем виноградинки. Он думал, и ему было страшно. Многочисленные домочадцы тихо сновали на приличном расстоянии, боясь попасться Иосифу на глаза.

Иосиф знал, что надо решаться. Вот уже месяц, как на светлом и знойном небе Толедо появились тучи, неся реальную и страшную угрозу всему испанскому еврейству и лично ему, Иосифу, – баловню судьбы, удачливому и богатейшему финансисту Толедо и Андалузии.

Пятнадцать последних лет, ссужая деньгами знатнейших людей Испании, вкладывая средства в дела, от которых, как от чумы, открещивались его собратья по цеху, он ни разу не ошибся. Ни разу его золото не превратилось в пыль, ни разу горечь утраты не омрачила его высокий лоб. За эти пятнадцать лет Иосиф многократно приумножил оставленное отцом состояние. Он, как никто другой, умел ссужать деньгами под высокие проценты, при этом не унижая своего достоинства и не вызывая у тех, кого он, по большому счету, грабил, чувства раздражения и ненависти.

И вдруг все изменилось – ему перестали платить по долгам. Еще недавно, заискивающий перед ним, евреем, дон Аминьерос де Кастильядо на прошлой неделе даже не пустил на порог Иосифа, сославшись на внезапное недомогание.

Иосиф видел перед собой ехидное, по-плебейски злорадное лицо слуги, который радостно сообщил об этом через маленькое окошко в огромных, кованых медью воротах виллы де Кастильядо. Это уже был не просто плохой знак – это был сигнал надвигающейся катастрофы! Иосиф употребил все свое влияние, подкрепленное двумя мерами полновесных золотых монет, чтобы добиться аудиенции у своего старинного приятеля – дона Мигеля да Гаммы – хранителя печати при дворе их Католических Величеств и, по совместительству, хранителя всех сплетен и слухов.

Да Гамма нервно теребил бородку и, похоже, чувствовал себя очень неудобно под пристальным взглядом оливковых глаз Иосифа. Пауза затягивалась – никто не хотел начинать первым. Да Гамма, наконец, оторвал взгляд от затейливых витражей, где-то над головой Иосифа, и хрипло произнес:

– Рад тебя видеть. Все ли у тебя хорошо?

И от этих простых, ничего не значащих слов, Иосифу впервые стало по-настоящему страшно. Догадки и подозрения начинали приобретать четкие очертания силы, перед которой Иосиф чувствовал себя беспомощным и беззащитным. Его красивое лицо побледнело, и здоровый румянец щек стал похож на красные пятна проказы.

– Хвала Богу, все живы и здоровы, – медленно, с расстановкой ответил он.

Да Гамма бросил быстрый взгляд на Иосифа. Они хорошо понимали друг друга. Да Гамма был обязан ему многим, если не всем. Благодаря уму, хитрости и деньгам Иосифа он, да Гамма, потомок знатнейшего и некогда богатейшего испанского рода, разорившегося в двух последних Христианских войнах, стал тем, кем он был сегодня – хранителем королевской печати, советником их Католических Величеств и влиятельнейшим лицом в иерархии Инквизиции. И сейчас пришло время платить по счетам. Они оба хорошо понимали, что да Гамма ничем

не сможет помочь Иосифу. Наоборот, всем была хорошо известна их дружба, и, в этой связи, да Гамма должен стать первым, кто «бросит в Иосифа камень». Но, предупредить – значит – вооружить. И да Гамма собирался это сейчас сделать.

– Пойдем прогуляемся, здесь становится душно. – Да Гамма встал с кресла и красноречиво указал взглядом в потолок, давая понять Иосифу, что у этих стен большие уши.

Они вышли во внутренний дворик – маленькое чудо мавританской архитектуры – зажатый, как колодец, мощными стенами королевского дворца; присели на мраморную скамью в тени апельсинового дерева, укрытые, как заговорщики, от посторонних глаз. В прозрачном и легком утреннем воздухе повисла плотная, как патока, тишина. Они не спешили – разговор предстоял тяжелый и взвешенный.

– Ты знаешь, – рука да Гаммы мягко легла на плече Иосифа, – вот уже больше ста лет евреи живут здесь, в Испании, ни в чем не испытывая нужды и отказа. Ваши синагоги построены в лучших местах испанских городов; Толедская талмудическая¹ школа, как это ни странно, стала центром культуры в Испании и привлекает людей со всех концов цивилизованной Европы...

Иосиф нетерпеливо кивнул:

– Я знаю, друг мой, все это, и мы, евреи, не устаем молиться богу за здоровье их Католических Величеств, – перебил он да Гамму. – Мы жертвуем всегда и много денег на увеличение мощи королевства и лично их Величествам...

– Не перебивай меня, Иосиф! – Да Гамма повысил голос.

– Вам нигде и никогда, со времен Соломона, не жилось так хорошо, как здесь и сейчас. Ваши виллы превзошли по роскоши дома испанской знати, а капиталы многократно превышают изрядно оскудевшую в христианских войнах казну. Ваши жены носят наряды, каждый из которых стоит не меньше, чем военный корабль, в то время как испанские аристократки латают одежду своих великих бабушек. Так есть – и это вызов! Я не говорю, что вы украли свои деньги или обагрили их кровью. Я так не говорю. Но таких, как я, остается все меньше. Могущество Испании уже давно не соответствует уровню ее притязаний. Мы нищая, ветшающая страна, покрытая, как ржавчиной, налетом амбиций и воспоминаний. И каждый Божий день короля отравлен одной и той же мыслью: где взять деньги? А деньги есть у вас, и вы их даете. Даете незамедлительно и в нужных количествах, постепенно прибирая эту страну к рукам и становясь ее истинными хозяевами. Евреи – хозяева самой христианской страны Европы! – Да Гамма криво улыбнулся. – Это факт. И это, к сожалению, понимают уже многие. Ты меня знаешь, Иосиф, я вырос среди евреев и ты мне, как брат. Ты знаешь, – да Гамма воровато оглянулся, – я никогда не делил людей по их вере. Ваш бог ничем не хуже нашего, если он не один и тот же.

Иосиф удивленно посмотрел на да Гамму. «Если бы кто-нибудь нас подслушал – это костер! Пытки и костер!» – Подумал он.

– Да, бог... – Продолжил Мигель, словно отвечая на какую-то невысказанную мысль. – Бог всегда и везде, во все времена...

Неделю назад получена Папская Булла. В ней, в очень резких и недвусмысленных выражениях, предписано повсеместно укреплять веру, искоренять ересь и инакомыслие. Ты понимаешь, Иосиф, что это значит?

Иосиф понуро сидел, уставившись в одну точку, но лихорадочный блеск его глаз говорил: – Да, я понимаю!

– Великим Инквизитором разосланы гонцы во все уголки страны с тайным указом обличать с амвонов иноверцев – убийц Христа и грабителей правоверных испанцев.

Да Гамма выдержал паузу и, глядя в упор, произнес:

---

¹ Талмуд – второй после Библии духовный устой еврейства (70—1040 гг.).

– Это конец, Иосиф! Погромы начнутся не сегодня-завтра, и костры разгорятся так, что земля начнет плавиться!

– Сколько у нас времени? – Жестко спросил Иосиф.

– У вас его уже нет, а у тебя лично и твоей семьи – три, от силы – пять дней. Я видел списки тех, кто должен быть схвачен в числе первых. Ты – во главе этого списка. Я сделал все что мог, и ты оказался в конце. Этого не достаточно, чтобы хорошо подготовиться, но достаточно, чтобы успеть покинуть Испанию. – Да Гамма достал из рукава свиток, бережно развернул его и осторожно, словно ветхий пергамент, протянул Иосифу.

– Это охранная грамота для беспрепятственного проезда по стране и выезда за ее пределы. Она именная – для тебя и твоих домочадцев.

Иосиф как будто бы не замечал протянутый ему свиток. Он пристально смотрел на да Гамму, хорошо понимая, чем тот рискует.

– Бежать? – выдохнул он. – А деньги? Дома? Куда, куда бежать?

Да Гамма пожал плечами:

– Я думаю, что даже тех денег, которые у тебя есть в наличии, хватит на безбедную жизнь. Куда бежать? – да Гамма чертил на песке замысловатые узоры.

– Полагаю, что многие уйдут в Португалию... Будет ли там безопасно для них и как долго – не знаю. Он поднял взгляд на Иосифа: – На север! – Неожиданно резко произнес он, решительно растирая ногой рисунок. – На север, в Германию. Немцы поднимают голос против Папы. Они хотят создать свою Церковь, и они это сделают. А для этого им будут нужны деньги. – Да Гамма усмехнулся.

– И тем, у кого они есть, будет хорошо там жить. А они у тебя есть. Правда, насколько мне известно, сейчас для евреев в Германии наступили не самые лучшие времена. Но ведь тебя никогда не останавливали трудности?.. Там можно будет начать сначала, а не повторить или продолжить прошлую жизнь.

Он решительно встал со скамейки, давая понять, что пора расставаться.

– В самое ближайшее время, Иосиф, ты должен быть уже в пути. И да хранят тебя оба наших Господа. Будет судьбе угодно – встретимся. Прощай, брат, удачи тебе...

Иосиф взял да Гамму за руку:

– Мигель, погоди! – Тихо произнес он.

– Мы знаем друг друга с самого детства... всю жизнь. И у каждого из нас нет причины не доверять другому. Но эту простую истину я понял по-настоящему только сейчас. Только сейчас, когда увидел, что в этом свитке много свободного места. Скажи, что я не ошибся и это значит, что я могу вписать сюда и другие имена? Или я могу спасти только свою жизнь?

Да Гамма помедлил с ответом...

– Спасти чью-то жизнь может один лишь Господь. Мы же можем только помочь избежать смерти... возможно, ценою собственной жизни. Если этот свиток попадет на глаза Торквемаде² – любому фанатику, – даже Господь не спасет меня... Когда ты будешь вписывать в него имена – помни об этом, Иосиф. Только всех ведь не впишешь. У инквизиции уже есть списки – Списки Смерти, и они длиннее, чем жизнь самого старого еврея в этой стране. И их еще продолжают писать.

– Я знаю это, Мигель! Я знаю, что многие тысячи пойдут на костер только потому, что называют бога другим именем, и я не могу вывести их всех из Испании, как когда-то Моисей вывел их предков из Египта. Но я могу спасти столько из них, сколько свободного места в этой грамоте. – Иосиф раскрыл ладонь, и свиток медленно развернулся. – И ты, Мигель, хочешь того

---

² Торквемада – глава инквизиции в Испании (конец XV века), инициатор уничтожения и изгнания евреев из Испании в 1492 году.

же, иначе эта бумага была бы много короче. Это будет – Список Жизни! Жизни, дарованной тобой этим людям.

– Эта бумага принадлежит тебе. И ты знаешь, Иосиф, как распорядиться ею. Это все, что я мог сделать. А теперь – иди. Если нас увидят вместе... ну, ты сам знаешь...

Они еще секунду постояли – пристально, словно желая запомнить, посмотрели друг на друга, и в едином порыве крепко обнялись – Мигель да Гамма – благородный аристократ испанского Двора, и Иосиф бен Эзра – потомок старинного рода Давидова. Они оба знали, что больше не встретятся. Пути Господни неисповедимы, и они оказались на разных его путях...

Пятнадцатый век церковь встретила глубоким кризисом, потрясшим до основания незыблемую твердь католицизма. В короткий срок, один за другим, были объявлены еретиками и смещены три Папы. Над христианским миром нависла угроза безвременья. Занявший в это время пошатнувшийся римский Престол Бенедикт XIII, желая продемонстрировать миру непоколебимость церкви, вызывает раввинов на открытую дискуссию. Еврейская религия, полторы тысячи лет стоящая на пути у христианства, должна быть наконец посрамлена и растоптана, а евреи поголовно обращены в истинную веру, – пишет он воззвание к епископам.

Шестнадцать Арагонских раввинов предстали перед сорока лучшими теоретиками христианства, собранными со всей Европы. Бенедикт XIII, восседая на роскошном кресле, облаченный в щедро украшенные драгоценными камнями одежды, открывает дискуссию...

Через шестьдесят дней заседаний, превратившихся для раввинов в полное откровенных угроз судилище, проигравший и раздосадованный Папа прекращает дебаты и покидает собрание. Разбитый наголову, в ярости он повелевает изъять и сжечь все Талмуды, а евреев насильно обратить в христианство. Католицизм, проповедующий всему миру добро и терпимость, в очередной раз берет в свои руки Меч и Огонь.

Церковь не простила Бенедикту XIII поражения, и он вскоре был смещен. Для евреев – тех, кто не испугался угроз и насилия, наступили десятилетия относительного покоя. Хуже всего было остальным, кого церковь все же сумела обратить в христианство, приняв в свои «братские» объятия. Евреи называли их – анусим – принужденные; братья-христиане – маранами, свиньями.

Испания, в течение многих веков наиболее фанатично преданная церкви, раздробленная и растерзанная опустошительными войнами, остро нуждалась в деньгах. К концу XV столетия евреям Арагонского и Кастильского королевств удалось сконцентрировать в своих руках огромные по тем временам финансовые ресурсы. Во все времена и у всех народов деньги всегда означали – власть! Не всегда публичную и явную, но всегда – власть! Испанские королевства задолжали евреям такую огромную сумму, что избавиться от долга стало означать – избавиться от евреев.

И когда наследник арагонского престола Фернандо взял себе в жены Изабеллу, наследницу кастильского королевства, объединив тем самым обе страны, началось заключительное действие трагедии испанского еврейства.

В планы циничного и тщеславного Фернандо входило – захват мусульманской Гренады, принудительное крещение евреев и мусульман, а также создание самого мощного в Европе католического королевства. Для крестового похода в Гренаду нужны были большие деньги, и, заручившись согласием Папы, Фернандо обвиняет новообращенных евреев в ереси. Десятки тысяч людей заживо сжигаются на святых кострах, а их имущество пополняет казну. Едва успев отмывать руки от нечистой крови обращенных, их католические величества издают указ, предписывающий всем евреям, нежелающим принять христианство, в трехмесячный срок, оставив имущество и золото, покинуть страну.

Фернандо и Изабелле, залившим страну кровью маранов, и присыпав ее пеплом от сгоревших костров, уже не нужны были еврейские жизни, но им по-прежнему были нужны еврейские деньги. Евреи посылают во дворец делегацию, составленную из самых известных и уважаемых раввинов, ученых, врачей – во главе с министром финансов королевства – Ицхаком Абарбанелем. Евреи предлагают огромный выкуп за право остаться на своей родине, и их католические величества соглашаются. Почти соглашаются...

Каждая эпоха услужливо рождает необходимых в тот момент героев. Таким востребованным в тот момент героем и стал фанатичный до паранойи, доминиканский монах – личный духовник королевы – Томазо Торквемада.

Когда депутации евреев уже удалось уговорить короля Фернандо, подслушивавший за дверью Торквемада ворвался в королевские покои, и, неся перед собой на вытянутых руках огромный крест, истошно возопил, глядя в упор на перепуганную Изабеллу:

– На этом кресте за тридцать сребреников уже один раз распяли Мессию! Возьми еврейские деньги и распни его еще раз!

Изабелла побледнела и потеряла сознание. Евреи были обречены. Торквемада получил карт-бланш на убийства.

Второго августа 1492 года или 9 ава 5252 года, в день скорби по разрушенному Иерусалимскому Храму, последний еврей покинул страну.

Испанская казна переполнилась золотом. Но кто же не знает – то, что не умножается, – быстро заканчивается, как бы много его ни было. Деньги закончились, и начался упадок. Испания больше не сумела подняться. Главным богатством для нее, как оказалось, были не еврейские деньги, а сами евреи. Но это было гораздо позже.

А пока...

Весь вчерашний день Иосиф писал письма и отправлял гонцов в разные концы Испании. По иронии судьбы его люди прибывали одновременно с гонцами инквизиции. В их свитках, поспешно вручаемых в церквях и синагогах, были одни и те же строки: в одних – инструкция как убивать, в других – как избежать смерти.

Прошло еще несколько дней. В загородном доме Иосифа, затерянном среди виноградников и оливковых плантаций далеко от пыльного Толедо, собрались представители самых знатных и уважаемых еврейских семей. Окна и двери были закрыты и люди просто плавались от жары в тяжелых, богато украшенных золотом и жемчугом, одеждах. Часть из них расположилась за большим круглым столом, многие стояли вокруг него или просто сидели на полу, подогнув под себя ноги и раскачиваясь в такт беззвучной молитве. В комнате стояла напряженная тишина. Люди молчали, соблюдая степенное достоинство и ожидая, когда им объявят истинную причину столь неожиданного сбора. Их лица не были тревожными, скорее удивленными и настороженными. Никто не хотел верить в то, что написал Иосиф каждому из них, настойчиво предлагая встретиться в этом доме. Первым не выдержал богатый, как легендарный Крез, поставщик товаров для королевского военного флота, – Яков де Кордоба:

– Да что это такое, в конце концов? – громовым голосом прокричал он, вскакивая со стула. – Сколько можно здесь сидеть? Что он себе позволяет, этот Эзра? И где он, наконец, наш новоявленный Пророк? – В его голосе слышалось презрение. – Я сижу здесь уже битый час! Мое время стоит дорого, очень дорого! И он ответит за то, что я его теряю, и за свои бредни, заодно!

Все присутствующие повернули головы в сторону говорившего, но никто ничего не возразил. Люди были наслышаны о мстительности и могуществе заносчивого Кордобы. Многие из них, к тому же, были его неоплатными должниками. Кордоба открыл, было, рот для следу-

ющей гневной тирады, но в этот момент в комнату вошел Иосиф и еще несколько человек, добравшихся до места сбора последними.

– Друзья! – негромко произнес он. – Я собрал всех, кого смог, потому, что более печальной и неотложной причины нет, и не может быть. Иосиф выглядел настолько уставшим и встревоженным, что даже у Кордобы исчезло с лица надменное и презрительное выражение. Он сел на стул, растерянно пробежав взглядом по напряженным в ожидании лицам.

– Все вы, наверное, почувствовали в последние месяц-два, что отношение испанцев к евреям стало резко меняться в худшую сторону, – продолжил Иосиф. – Мне стало известно из самых достоверных источников, что всех нас – всех без исключения – хотят уничтожить в самое ближайшее время, или насильно обратить в христианство, а значит, тоже уничтожить. Именно для этого создана Инквизиция, которая уже провозгласила лозунг – «Одна страна – одна вера!». Надо что-то сделать, нельзя сидеть сложа руки... – Иосиф помедлил и, совсем тихо, разведя руками, продолжил: – В общем, это все, что я хотел сказать.

На несколько минут воцарилась гробовая тишина, а затем, словно по команде, перебивая друг друга, заговорили, закричали все одновременно. Воздух, выдыхаемый с хрипом и свистом из нескольких десятков глоток, горячей волной ударил в потолок и стены, искривился в причудливой гримасе, с издевкой копируя выражение искаженных ужасом лиц.

Первым опомнился Кордоба. Он встал, с силой отшвырнул стул и медленно, делая ударение на каждом слове, в упор глядя на Иосифа, сказал:

– Я не верю! Почему я должен верить твоим бредням, Эзра? Как такое может случиться? Мы вложили многие миллионы золотых в эту страну! Разве не мы финансировали бесконечные войны с маврами? Разве кто-то другой оплатил долги Фернандо и собрал сказочное приданное для Изабеллы? А? Что ты молчишь, Иосиф? Мы построили им школы и библиотеки, равных которым нет во всем мире! Да мы больше испанцы, чем они сами, потому, что создали своими потом и кровью изобилие этой страны! – Он завертел в разные стороны головой, ища поддержки присутствующих, воздел руки к небу и закричал:

– Я не верю тебе, Иосиф! Кто заставил тебя это сказать нам? Кто и зачем тебя подослал?

– Замолчи, Кордоба... успокойся и замолчи... – послышался тихий голос откуда-то из угла комнаты. Все обернулись на голос. С пола встал пожилой человек – известный всей стране, почти легендарный, хранитель Королевского архива, философ и историк – Исаяя.

– Не надо крика... – он поморщился. – Это, скорее всего, правда! Еще несколько недель тому назад Инквизиция изъяла из архива родовые книги еврейских семей. Я не придал этому значения потому, что они сказали, будто хотят сделать копии и восстановить те из них, которые обветшали от времени. Теперь я понимаю – они хотят сделать из них списки... они забрали с собой сотни книг. – Исаяя махнул рукой и заплакал. – А ведь я мог спрятать хотя бы несколько из них. Спрятать, если бы знал!

– Тебе не в чем винить себя, Исаяя. Мы все на виду, они уничтожили бы нас и без родовых книг, – раздался чей-то голос.

Кордоба поднял руку вверх, требуя внимания. Это был уже другой человек – спокойный, хитрый, решительный:

– Даже если это и так, то бежать – последнее средство. Надо еще знать – куда бежать. И сколько из нас дойдет до места, сколько останется лежать на дорогах? Нет, и еще раз – нет! Они только этого и ждут! Всю свою нелепую историю испанцы пользовались нашими деньгами, нашими головами, а теперь им оказалось этого мало, и они хотят отнять у нас все? И ты, Эзра, хочешь им в этом помочь? Я никуда из этой страны не уйду. Это моя страна! И вам всем не советую пока этого делать. Я не верю, что Инквизиция сможет так быстро организовать изгнание евреев. Как и не верю в то, что Фернандо позволит им это сделать. Он очень любит деньги, и мы с ним договоримся. И с кровью у него тоже не все в порядке, и мы дадим ему понять, что эта тайна, может быть обменена на наши жизни. Да и время у нас еще есть... Вы говорите,

изъяли книги? Что ж, мы выкупим, или выкрадем эти книги! В каждом городе, селении, мы будем платить деньги, много денег, чтобы наши имена исчезали из списков Инквизиции. А потом, когда пройдет время, мы напишем другие книги, книги с новыми нашими, уже испанскими, именами! Так мы сохраним наши жизни, жизни наших потомков...

В комнате раздалась возмущенные выкрики:

– Отказаться от имени? От нашего Бога? Лучше сгореть на костре!

Кордоба спокойно встречал упреки, только поворачивал голову в сторону говорившего.

– Веру мы сохраним. Мы будем тайно молиться нашему Богу. Это было уже в еврейской истории, и Бог нас поймет и простит. Это наша страна, и именно здесь живет наш Бог! Я никуда отсюда не двинусь. И я сказал вам свое мнение. Но, каждый должен решать за себя сам. Тем, кто решит остаться, – я помогу, чем смогу. Да и мало ли что узнал Иосиф. Это все надо еще проверить. Я думаю, мне удастся увидеть эти так называемые Списки. Есть еще кое-какие связи...

– Это не «так называемые» списки, они имеют уже название – Списки Смерти! – перебил его Иосиф. – И они их уже составили. Надо бежать всем. Без сожаления оставить дома, имущество, и бежать!!! Бежать прочь, иначе эта страна станет могилой для нас и наших детей! Это – мое решение...

Когда Кордоба и часть присутствующих, решивших, несмотря ни на что, остаться в Испании, покинули дом, Иосиф внимательно оглядел оставшихся. Их было больше, чем тех, кто пошел за Кордобой.

– Друзья мои, по праву хозяина этого дома, я хочу начать первым. А затем попрошу высказаться всех вас, потому что это касается каждого. Все, что я сказал – правда, которая не нуждается в перепроверке. Эти сведения получены от... Инквизиции. Там, хвала Создателю, тоже есть порядочные люди. Первое, что нам надо сделать – это взять себя в руки и смириться с мыслью о том, что эту страну надо оставить. Конечно, не так, как хотелось бы нашим гонителям. Мы не уйдем отсюда нищими – они этого не дождутся! То, что Инквизиция берет в свои руки неограниченную власть – нравится не всем. Очень многие влиятельные люди в стране этим недовольны. Они понимают, что фанатики не ограничатся только еврейской кровью! Они ненасытны и доберутся, если их не остановить, и до самих испанцев, лучших из них – умных, образованных, мыслящих. Они это понимают, и мы должны использовать их лояльность к нам. Примерно через четверть часа сюда к нам должен приехать альгвазил³ города Толедо... – он поднял руку вверх, требуя тишины, потому что присутствующие в страхе, наперебой, стали возражать...

– Спокойно! Я не закончил – продолжил он... – я что, похож на сумасшедшего или самоубийцу? – В комнате опять стало тихо. – Я говорил с альгвазилом. Он ненавидит инквизицию потому, что она ломает в стране порядок, который всегда поддерживали и за который отвечали альгвазилы. Инквизиция лишает их власти, и поэтому они против нее... Он конкретно нам поможет. И с его помощью мы покинем страну, сохранив самое ценное, что у каждого из нас есть. Не бесплатно, конечно...

– А как мы можем им доверять? Что если, получив деньги, они выдадут нас инквизиции? – спросил учитель Симон Маккавей – давний знакомый Иосифа. – Есть какие-то гарантии?

– Гарантий нет и быть не может! – резко возразил Иосиф. – Есть шанс, единственный шанс. Альгвазилы боятся и ненавидят Инквизицию не меньше, чем мы. И понимают, что Инквизиции они не нужны. Если монахи узнают, что альгвазилы взяли с нас деньги, – они отправят их на костер первыми – раньше, чем нас! Это – наши гарантии! Каждый из нас, вернувшись домой, должен собрать из синагог и спрятать надежно наши священные книги. Это

---

³ Альгвазил – начальник полиции.

надо сделать в первую очередь. Раньше, чем свои деньги! Подготовьте людей. Они должны быть способны по первому зову, немедленно выступить в дорогу. Всех, к сожалению, мы спасти не сможем! Поэтому, каждый из вас должен сам определить, кого в своем городе нужно предупредить...

Раздался сильный стук в дверь, и в комнату, не дожидаясь разрешения, вошел альгвазил. Его одежда была в пыли, лицо покраснелось – человек торопился, не жалея ни себя, ни коня.

Присутствующие повернули головы в сторону вошедшего – напряженно, с недоверием глядя на него. Альгвазил прямо с порога, не обращая внимания на присутствующих, и обращаясь только к Иосифу, сказал:

– Меня, и альгвазилов из других городов, вчера подчинили Инквизиции! Теперь нами будут командовать монахи. Они не будут убивать сами, они будут делать это нашими руками! Это приказ короля и он не обсуждается! – с горечью в голосе сказал он. – Но, с другой стороны, это хорошо, потому, что мы будем знать их планы. Я поговорил с теми альгвазилами, которым я могу доверять, и которые разделяют мои взгляды на Инквизицию, и они согласились помочь вам. Евреи должны уходить группами не более двухсот человек, с промежутками в два – три часа. Следом, под нашей охраной, под видом товаров испанских купцов, и другими дорогами, мы отправим ваш скарб. Альгвазилы будут сопровождать караваны до границ своих владений и передавать их друг другу. Все это не должно продлиться более трех-четырех дней, поэтому берите только самое необходимое, и только тех людей, которые смогут выдержать дорогу. Все группы должны встретиться в условленное время и в условленном месте на границе... ну, а дальше – вы сами. Время и место встречи я, по понятным причинам, пока, сказать не могу. Мы рискуем больше, чем вы! Ты готов, Иосиф, назвать людей, с которыми мы будем иметь дело? Я должен передать их имена альгвазилам. Альгвазилы будут общаться только с ними! Остальные не должны не только разговаривать, даже приближаться к нам... Деньги отдадите на границе. Это все!

– Хорошо! Мы будем соблюдать осторожность. А люди... Они все здесь... – Иосиф развел руками – и они все слышали. Это – лучшие из нас, и они не подведут.

– Я очень на это надеюсь. – Ответил альгвазил, пристально оглядев присутствующих...

Иосиф был разочарован: слишком много людей пошли за Кордобой. Он прекрасно осознавал, что уговорить всех покинуть страну было невозможно, но надеялся, что тех, кто поверит ему, будет намного больше. «Ну, что ж, каждый решает для себя сам. Жаль, что Якоб оказался в другом лагере. С его деньгами и авторитетом среди евреев можно было бы добиться большего успеха», – думал он.

Прошло уже больше двух часов с того времени, как последний посетитель покинул дом, а Иосиф все медлил возвращаться в Толедо. Здесь было тихо и уютно, здесь не было страха, здесь можно было спрятаться от жизни, попытаться обмануть судьбу...

Тихо скрипнула дверь, и в комнату заглянул человек. Он осторожно посмотрел по сторонам и, увидев Иосифа, вошел. Это был Кордоба.

– Ты один? – спросил он.

– Да! – удивился Иосиф. – Что-то случилось?

– Случилось, случилось, – проворчал Кордоба, плюхнувшись на стул.

Он вытянул ноги, вытер платком капли пота на лице и, не глядя на Иосифа, пробурчал:

– Надо поговорить. Я два часа подстерегал тебя на дороге в Толедо, а ты вот тут, в доме, прохлаждаешься, – обиженно произнес он. И, не дождавшись ответа, продолжил: – Принеси вина, что ли, во рту пересохло.

Иосиф принес кувшин, молча поставил его на стол и сел напротив. Тишина длилась довольно долго. Кордоба внимательно рассматривал свои сапоги, иногда бросая быстрые взгляды на Иосифа.

– Так кто тебе сказал? – наконец прервал он молчание.

Иосиф пожал плечами.

– Ладно, можешь не отвечать, – махнул рукой Кордоба. – Я и сам знаю. Твой друг – да Гамма! Что, не так?

– Не все ли равно – кто? Важно, что это правда.

– Правда!.. Мало ли у кого какая правда! Свиньи, грязные свиньи! – Кордоба ударил кулаком по столу. – Стоило одержать одну победу над маврами, как это сразу вскружило им головы. Скажи, скажи мне, – Кордоба перегнулся через стол и схватил Иосифа за руку, – что они без нас стоят? Без врачей, ученых, банкиров? Они хотят отобрать у нас деньги и пополнить свою казну? Но деньгами еще надо суметь правильно распорядиться...

– Зачем ты мне это говоришь, Якоб? Я все сам знаю, только изменить ничего не могу, – перебил Иосиф.

– А ты пробовал изменить? – живо отреагировал Кордоба. – Сразу – бежать! Где нас ждут? Скажи, если знаешь?

Иосиф разозлился.

– Ты хочешь, чтобы я тебя уговаривал? И не подумаю! Оставайся здесь. Выкрестись и сохрани свои богатства. Только надолго ли? Ты что, перестал соображать, Кордоба? Или ты не знаешь, что за последние десять лет инквизиция сожгла более двух тысяч маранов? Только за то, что одни из них надели в субботу праздничную одежду, а другие помылись в теплой воде? Выкрестись, и, может быть, тогда ты превзойдешь самого Фернана Фалькона – доносчика и убийцу. Сколько сотен раз на судилищах инквизиции он произносил фразу «Еврей во всем!», – отправляя своих бывших единоверцев на костер? Я бы никогда отсюда не уехал, если бы знал – как остаться? – грустно закончил он.

– Да, я сам все это понимаю! Не думай, что умный ты один. Но, бежать, не попытавшись бороться... – покачал головой Кордоба.

– С кем ты хочешь бороться? – не дал ему продолжить Иосиф. – С королем? Инквизицией? С тысячами доносчиков, надеющихся выловить в твоей крови жалкую монету – награду за человеческую смерть?

Кордобу передернуло от этих слов.

– Не дай Бог, не дай Бог! – замахал он на Иосифа руками. – А куда отправишься ты? – вдруг спросил он.

– Пока не знаю... Наверное, в Германию... Там сейчас бурно развиваются города, науки, ремесла. И они более веротерпимы, а главное – там нет инквизиции.

Кордоба заерзал на стуле.

– Ты потерял рассудок, Иосиф! Какая веротерпимость? Не так давно евреев изгоняли из Кельна, Аугсбурга, Майнца! Ты знаешь об этом? И потом, там же холодно!

– Зато здесь скоро станет жарко! – парировал Иосиф.

– Ладно, давай успокоимся. Страх и паника – плохие советчики. Надо искать выход, – примирительно сказал Кордоба.

– Да, я спокоен. Только выхода в моем спокойствии не больше, чем в твоём страхе. Надо уезжать из страны. А все остальные выходы ведут в могилу, – вздохнул Иосиф.

– Бежать... бежать... Для меня это хуже смерти! Все мое богатство, ты же знаешь, – корабли, склады с товарами. Дома...

– Хватит! – перебил его Иосиф. – Ты вернулся сюда для того, чтобы мы вместе оплакали твои корабли? Я тебе сочувствую. Что дальше?

– А дальше мы с тобой пойдем к Торквемаде!

Иосиф вскочил и уставился на Кордобу широко открытыми от удивления глазами.

– Ты что, Кордоба – упал по дороге с коня? Или твои мозги утонули вместе с кораблями? Кто тебя к нему допустит? И о чем бы ты стал говорить с ним – главным нашим врагом – фанатиком и убийцей?

Кордоба с трудом поднялся и подошел вплотную к Иосифу. Они стояли так близко друг к другу, что Иосиф почувствовал дыхание Якоба. Почти физически ощутил, что их глаза, лишённые свободного пространства, готовы слиться, перетечь наполнившимися их до предела отчаянием и болью. Но мгновение спустя он уловил во взгляде Кордобы, что тот знает нечто, что может дать евреям надежду.

– У тебя есть план? – спросил он, сделав шаг назад.

– План – не план, но лучше, чем ничего, – невесело улыбнулся Кордоба. – Лет пятнадцать тому назад, я очень удачно торговал с маврами в Севилье. Сам знаешь, какие хорошие были времена! Они покупали все, без разбора – лошадей, ткани, провизию. Платили, не торгуясь – чистым золотом. Это длилось несколько лет, пока на границе не начались волнения и грабежи. Именно тогда, я присмотрел у мавров молодого сильного раба и выкупил его. Юноша оказался не только хорошим охранником, но и очень смышленным, способным выполнять деликатные поручения. Он прослужил у меня пять лет, и я отпустил его на волю. Прошло время, и я забыл о его существовании. Но прошедшей весной, во время религиозного шествия в честь святого Доминика, я увидел во главе процессии, рядом с генералом инквизиции, знакомое лицо. Сначала я подумал, что ошибся – слишком невероятным было предположить, что этот дородный, богато одетый церковник – мой бывший слуга Алонзо. Видно, я очень пристально рассматривал монаха, так как он почувствовал мой взгляд в толпе праздных зевак и обернулся. Наши глаза встретились, и он равнодушно пошел дальше. Я понял, что, действительно, ошибся. Однако, спустя несколько дней, этот человек посетил меня. Это был – епископ Алонзо! И это был тот самый юноша! Он узнал меня тогда, и он никогда не забывал, что я спас его из плена. В общем, сейчас он наиболее приближенное и доверенное к Торквемаде лицо, и он сделает все возможное, чтобы допустить нас к нему.

– Это, конечно, великолепно, но даже попав к Торквемаде, надо еще и добиться того, чтобы он нас выслушал. И, потом, что мы будем ему говорить? Чтобы он оставил евреев в покое? Это опасное безумие, Якоб! – покачал головой Иосиф. – Мы только вызовем гнев этого фанатика.

– При обычных обстоятельствах – да! Но у меня есть нечто, что может стать предметом хорошего торга с инквизитором. И, как знать, может так статься, что Торквемада будет вынужден заступиться за нас перед их королевскими величествами. А влияние Томазо на королеву известно всем. Поверь, Иосиф, это хороший шанс! И скоро мы с тобой сможем убедиться – насколько.

Иосиф, отпустив поводья, медленно ехал по городу. Он внимательно смотрел по сторонам, вглядываясь в знакомые до боли дома, церкви, фонтаны. Въехав на улицу Делья Нуово, он остановил коня перед потемневшими от времени, обожженными щедрым солнцем стенами школы, где он провел десять самых лучших и беззаботных лет. Тогда он знал уже, думал, что знал, чего хочет, и что будет делать, когда станет взрослым и богатым. Сейчас, став и тем и другим, он понимал, что не знает, что делать дальше. Иосиф не хотел бежать отсюда – от этой школы, этих домов, стоящих вокруг, и десятки лет строго взирающих своими узкими, как бойницы, окнами-глазами, на суету снующих мимо людей. За каждым из этих окон была жизнь – со своими радостями и горестями, такими, как у всех остальных, или отличная от других жизней. Но, какой бы она ни была, – она останется в этих стенах, но уже без него. И эти строгие и равнодушные окна будут по-прежнему, молча смотреть на улицы, по которым уже больше никогда не пройдет Иосиф.

Он спешился, подошел к школе и, опустившись на одно колено, отколочил ножом маленький кусочек штукатурки... положил в карман и, не оглядываясь, пошел прочь. Ему пришлось задержаться – дорогу переходила большая группа монахов-доминиканцев. Они шли медленно, как всегда с глубоко надвинутыми на голову капюшонами, смиренно опустив глаза в землю... Как всегда?.. Иосиф подумал, что походка их стала более деловитой, в согнутых спинах, едва уловимая, чувствовалась сила, которую может дать только власть, неограниченная и непрерываемая – власть над жизнями и душами людей. Они шли серой, плотной толпой, ни на что и ни на кого не обращая внимания. *Серая масса, – подумал Иосиф – ...скоро она заполнит все*

щели, заползет в дома и души людей. И не будет от нее спасения... потому, что она – серая! Страшный цвет – цвет отчаяния и безысходности, цвет украденного у людей солнца ...

Он пропустил шествие, и, уже ступив на мостовую, – обернулся. Монах, шедший последним, откинув капюшон, в упор смотрел на него. Его взгляд колкий и цепкий, пристально, с каким-то вожделием, жадно ощупывал Иосифа – его богатую одежду, массивную золотую цепь на шее, шляпу, украшенную жемчугом. Он смотрел и запоминал – запоминал все: до мельчайшей детали, до пыли на украшенных золотой вязью сапогах Иосифа. Их глаза встретились. Рот монаха искривился в усмешке. Он с сожалением оторвал взгляд от Иосифа и, надвинув на глаза капюшон, засеменил прочь, влившись в серый поток. В эту минуту Иосиф решил окончательно.

– Бежать! Без оглядки и сожаления. Пусть эта страна, его страна, захлебнется в этом сером потоке. В этом балаганном представлении для меня нет роли, – подумал он, садясь в седло.

Иосиф, находясь все еще под впечатлением встречи с монахами, зашел в синагогу. Был обычный будний день, и, кроме нищих, сидящих в пыли у главного входа, и служек внутри, в синагоге никого не было. Ребе Гершля он нашел в полутемном молитвенном зале. Старик, подслеповато прищурившись, натирал ветошью золотую минору. Иосиф несколько минут постоял на пороге, наблюдая за действиями Гершля и внимательно осматривая зал. Ничего не изменилось в нем со времени, когда Иосиф еще ребенком, ерзая во время молитвы на жесткой скамейке, пытался дотянуться ногами до пола. Высокие стены, драпированные красным бархатом, полукругом сходились к огромной шестиконечной звезде, подвешенной на коротких цепях к потолку. Скамьи красного дерева, выстроившиеся в затылок по обе стороны широкого прохода, были натерты до немислимого блеска; по обе стороны от кафедры, стояли два изящных золотых подсвечника, отражая причудливые изгибы пламени горящих в них свечей. В этом зале сегодня, как и сотню лет назад, все жило отдельной, отличной от мирской суеты жизнью. Только сейчас это не радовало, как раньше, Иосифа. Не было у него ощущения торжественности и благоговения, которые возникали всегда, когда он переступал порог этого зала. Тревога последних дней сжала в горький комок его сердце. И сейчас он прощался со всем этим...

Иосиф переступил порог и несколько раз кашлянул, привлекая внимание Гершля. Старик вздрогнул, бережно поставил на пол минору и, прищурившись, внимательно посмотрел на Иосифа:

– Кто здесь? – проговорил он, не узнав в темноте вошедшего.

Иосиф подошел ближе, улыбнулся.

– А... это ты... – Ребе вытер руки ветошью и, тяжело дыша, присел на скамью, предлагая сделать это же Иосифу.

Иосиф не последовал приглашению, еще раз внимательно оглядел зал.

– Ребе! Почему до сих пор ничего не собрано? – Сказал он, кивком головы указав на миноры. – У нас совсем мало времени.

Гершель заерзал на скамье и тихо, как бы виновато, сказал:

– Я остаюсь... я слишком стар, чтобы куда-то ехать. Да и кто будет с теми, кто останется здесь, кто никуда не уйдет из Толедо?

– Что... что ты говоришь? И это после всех наших разговоров? Ты думаешь, что вам оставят этот дом? Ты действительно веришь в то, что эти миноры, все это богатое убранство, так и останется здесь, как оно есть сейчас, и как было сто лет назад? Ты выжил из ума, Ребе! Через несколько дней здесь будет конюшня! А все эти золотые изделия переплавят на монашеские кресты!

– Бог не даст этого сделать. – Вяло, с сомнением в голосе возразил Гершель.

– Бог не даст, говоришь? А Иерушалаимский храм? Он был более свят, чем наша молельня! А прекрасные синагоги Вавилона? Ты забыл нашу историю, старик! Бог уже давно

не спасает нас. Последний раз это было в Египте, Ребе! И скоро все это... – Иосиф развел руками, – станет добычей погромщиков! Я не позволю это сделать! Да и с кем ты останешься? Те, кто не захочет уйти, уже расстались с Богом. Их дороги будут пролегать мимо этого здания – туда, где живет Христос. Или ты тоже решил стать перед Христом на колени?

Ребе в испуге замахал на Иосифа руками:

– Что ты такое говоришь, Иосиф! Просто я стар, и хочу, чтобы меня похоронили здесь, на нашем кладбище!

– Господи! – Иосиф театрально воздел к небу руки. – Господь Бог мой! Бог Авраама, Исаака и Иакова! Дай мне силы убедить этого упрямого старика! Ты что, не понимаешь, что к тому времени, когда ты умрешь, даже если ты собрался сделать это в ближайшее время, не будет уже никакого кладбища? Его сравнивают с землей, как и все то, на чем будет видна звезда Давида! А вас будут закапывать, как бродячих собак, на городских пустырях... – Иосиф хотел продолжить, но осекся, увидев, что старик как-то вдруг осунулся, стал меньше ростом, и, схватившись рукой за грудь, начал сползать со скамьи на пол.

– Воды! Принесите кто-нибудь воду! – Закричал Иосиф, подхватывая падающего старика.

Гершель маленькими глотками выпил воду и с трудом с помощью людей, прибежавших на крик, поднялся. Его усадили на скамью, и Иосиф жестом руки отослал всех прочь...

Пауза длилась долго. Иосиф озабоченно смотрел на Гершеля, не решаясь продолжить разговор. Ребе начал первым. С трудом, подбирая слова и тяжело дыша, он произнес:

– Зачем я вам там нужен? Да и вряд ли я выдержу дорогу... Прошу тебя, дай мне умереть здесь...

Иосифу вдруг до боли стало жалко Гершеля...

«И вправду, зачем тащить с собой больного старика? Мне, полному сил, до одури страшно ехать в неизвестность... а уж ему... Нет! – Одернул он себя. – Старый Ребе – это надежда для многих. За ним пойдут люди...»

– Ребе! – Он ласково дотронулся до руки старика. – Ты нужен! Нужен, как никогда! Мне нужен, как и всем остальным, тем, кто тебе верит. Для всех нас, ты – голос Бога! И если с нами ты, значит, с нами – Бог!

Ребе отшатнулся от Иосифа:

– Прошу тебя – не говори так! Это кощунство! Я не Пророк, – я простой раввин. Грешный, как и все люди...

– Поверь, мне лучше знать. – Не дал закончить ему Иосиф. – Отдохни немного, и собери самое ценное, что здесь есть... книги, Тору, ну сам знаешь. Завтра, в это же время, я должен буду все забрать. И не жалей ни о чем. Тебе еще рано умирать. Мы еще все будем счастливы!

На рассвете следующего дня, в нескольких кварталах от синагоги, по просторному кабинету, занимающему весь первый этаж мрачного здания инквизиции, нервно расхаживал человек. Иногда он останавливался, напряженно вслушивался в тишину и снова продолжал беспокойное движение. Вот уже семнадцать лет этому маленькому человеку, в скромной коричневой рясе, принадлежала абсолютная власть в стране.

Томазо де Торквемада – Председатель Трибунала Веры и Великий Инквизитор королевства – начал свое восхождение к вершине власти еще пятнадцатилетним юношей, в монастыре провинциального городка Сан-Педро. Отличный оратор, аскет, не употреблявший в пищу мясо и рыбу, он быстро заслужил славу праведника, живущего только мыслями о Господе Боге. Но маленький и тщедушный Томазо, на самом деле, жил страстями, настолько же далекими от Бога, насколько был далек его аскетизм от праведности. Он просто хотел жить долго, потому, что дорога к цели, которую он перед собой поставил, была длинной в долгую жизнь. Однако, не только страсти раздирали душу Томазо. В самых глухих закоулках его окостеневшего сердца

жил страх – испепеляющий и жгучий, как те костры, которые спустя много лет разожжет этот страх по всей стране. Родная и любимая Томазом бабка была еврейкой, и он знал, понимал звериным чутьем, что тайна эта умрет только вместе с последним евреем в стране, и только тогда страх покинет его окаменевшую душу. Это была великая цель – цель, длинной в тысячи человеческих жизней!

Его заметили отцы Церкви и не раз предлагали высокие посты в Мадриде, но Томазо всякий раз отказывался, выбрав скромную должность настоятеля обители Святого Креста, в захолустной Сеговии. Эта обитель оказалась прочной ступенью в лестнице, ведущей его к цели. Обитель Святого Креста часто посещали высокородные кастильские вельможи, и сама королева-мать, с маленькой дочерью Изабеллой. В 1459 году – тридцатидевятилетний Томазо становится личным духовником семилетней инфанты и, тем самым, поднимается на последнюю ступеньку лестницы, ведущей его к цели.

За семнадцать лет высшей власти в Инквизиции, Томазо де Торквемада создал мощную, почти военную организацию, беспрекословно подчиненную его воле. Девятнадцать отделений опутали невидимой паутиной всю страну, денно и ночью держа в диком страхе испанцев. Ничто и никто не могли скрыться от цепких глаз торквемадова воинства, денно и ночью выискивающего свои жертвы, денно и ночью жаждавшего крови и пепла.

Сам Великий Инквизитор редко появлялся на людях и никогда не присутствовал на допросах и казнях. Это было табу, раз и навсегда установленное им самим. Торквемада повелевал – исполняли другие! Последние годы он уже не радовался, как раньше, когда очередной еврей подвергался Аутодафе – заживо сгорая в святом огне. С каждой новой жертвой он испытывал только тревогу и нетерпение, боясь не дожить до последней казни. «Мало, слишком мало было уничтожено евреев за эти семнадцать лет. Много, слишком много их еще оскверняет испанскую землю!» – досадовал он, утверждая очередной смертный приговор. «Но сегодня все должно измениться, сегодня я смогу, наконец, достичь великую цель – цель, длинной в пятьдесят лет моей жизни!» – думал он, ни на секунду не прекращая беспокойное хождение по кабинету. Торквемада был очень расчетливым и скупым на эмоции человеком. Он не переоценивал значение только что начавшегося дня. В пыточной камере, оборудованной по последнему слову изуверской техники, в глубоком подвале, расположенном прямо под его кабинетом, всю ночь шло дознание по доносу об убийстве евреями христианских детей в ритуальных целях. Сценарий был разработан лично им. Он же определил пять жертв – знатных и влиятельных в королевстве евреев. «Если все пройдет по плану, если они не умрут от пыток раньше, чем подпишут признание, то я вырву у короля Эдикт об изгнании из страны всех евреев! Всех, до одного! – лихорадочно пронеслись в его голове мысли. – Всех – до последнего!..»

В коридоре послышались тяжелые шаги. Торквемада на мгновение замер на месте и бросился к двери. В кабинет вошел огромного роста монах. В руках он держал несколько скомканных, вымазанных грязью и кровью свитков. Он низко поклонился и молча положил свитки на стол. Торквемада подбежал, брезгливо развернул один из них, жадно читая его содержание. По мере прочтения его лицо менялось – на нем появился легкий румянец, губы растянулись в подобие улыбки. Томазо бережно положил свиток на место и сел в кресло.

– Ну, рассказывай. Как все прошло? Почему так долго? – обратился он к монаху.

– Все признались. Всю ночь бились над ними. Крепкими орешками оказались.

Торквемада насторожился:

– Надеюсь, все остались живы? – грозно посмотрел он на монаха. Тот съезжился под колющим взглядом, инстинктивно вжал голову в плечи:

– Все, как Вы велели... – пролепетал монах. – До костра дойти смогут!

Торквемада облегченно вздохнул.

– Да, удачный день! Великий день! – пробормотал он. – Хорошо, – он снова посмотрел на монаха. – Вы славно поработали этой ночью. Я доволен. Ступай!

Монах низко поклонился и, не поворачиваясь к инквизитору спиной, стал пятиться к двери.

– погоди! – Торквемада открыл ящик стола, достал оттуда мешочек с деньгами и швырнул его монаху. – Два дня вам на отдых. Только не в городе, и чтобы тихо. – Он жестом отослал прочь монаха. Оставшись один, Томазо прилег на кушетку, прикрыл глаза, отдаваясь всецело сладким мыслям. Однако это продлилось не долго – в коридоре снова послышались шаги. Торквемада поспешно встал с кушетки, удивленно глядя на дверь.

Вошел секретарь.

– Там два посетителя, – почтительно сказал он.

– Что? Кто? Какие посетители? Кто посмел их допустить? – удивлению Торквемады не было предела.

– Брат Алонзо допустил их, – пожал плечами секретарь.

– Брат Алонзо? Ты ничего не перепутал? – еще больше удивился Торквемада. – Ну, если так, пусть входят, – проворчал он, усаживаясь за стол.

В комнату вошли Якоб де Кордоба и Иосиф Бен Эзра. Они нерешительно сделали шаг вперед, поклонились и замерли на месте.

Инквизитор в упор посмотрел на посетителей.

– А я тебя знаю! – ткнул он скрюченным пальцем в Кордобу. – Как это Алонзо допустил вас ко мне? Ладно, я разберусь с этим, – грозно произнес он. И что тебе нужно, еврей? – обратился он к Кордобе.

Иосиф, пользуясь тем, что Торквемада не обращал на него внимания, внимательно рассматривал инквизитора. Маленький, щуплый, словно высушенный страстями, старик сидел в массивном кресле, за старинным, богато инкрустированным письменным столом. Над узкими костлявыми плечами возвышалась непропорционально большая, без единых признаков растительности, голова. Бескровные губы-ниточки делали еще более бледным и без того пергаментное лицо, обтянутое, словно папирусом, тонкой морщинистой кожей. Над длинным, крючковатым носом дьявольским, фанатичным огнем светились водянистые, глубоко спрятанные глаза альбиноса.

У Иосифа засосало под ложечкой. «Зачем мы сюда пришли? – тоскливо подумал он. – Нам не выбраться из этого склепа...»

Кордоба, внешне невозмутимо, выдержал тяжелый взгляд инквизитора.

– Необходимо поговорить. Разрешите присесть. Мы половину ночи простояли на улице.

– Ладно, располагайтесь. У меня сегодня хороший день. Пользуйтесь этим. – Торквемада указал на стулья, беспорядочно расставленные в кабинете. – Но времени у меня для вас мало. Есть дела поважнее. Так что говори сразу – зачем пришли?

– Речь идет о папской Булле...

– Я не буду обсуждать с евреями церковные дела! – перебил инквизитор. Если есть другие вопросы – говори.

Кордоба занервничал. Он покраснел и резко возразил:

– Эта Булла не просто церковный документ, она прямо направлена против евреев.

– Да что ты говоришь? – с издевкой в голосе произнес Торквемада. – А она должна была быть во славу евреев? Я сделаю Папе замечание, – захихикал инквизитор.

– Послушай, еврей! – его глаза сверкнули и превратились в узкие щели. – Я и без того оскверняюсь одним вашим присутствием здесь. Тем более, не намерен вступать с тобой в религиозные дискуссии. Могу тебе сказать только, что Булла – это только начало. Мы выкорчем еврейскую ересь в стране, как старое, сгнившее дерево. Так что мой вам совет, – Торквемада впервые посмотрел на Иосифа, – обратитесь к истинному Богу, отрекитесь от еврейской ереси. Вот в этом я готов вам помочь.

– Принять христианство и обречь себя на унижения и смерть? Как тысячи евреев, которые это уже сделали? – включился в разговор Иосиф.

– Нет, не так. Те, о ком ты сейчас сказал, осквернили нашу веру. Они в тайне продолжали быть евреями и поплатились за это жизнью! – живо отреагировал инквизитор.

– Среди них было очень много тех, кто искренне принял Христа, а их, тем не менее, пытали, и...

– Ну, что ж, значит, они приняли за него муки. Это очень почетно – умереть за Спасителя, – перебил Иосифа Торквемада. – А пытки... Лучше попасть с одним глазом в Рай, чем с двумя – в Ад. Подумайте, пока не поздно, и тогда вы спасете не только жизни, но и дегги, что для вас важнее, чем души.

– Нет, мы останемся теми, кем нас родили матери. А ты уговоришь короля отменить изгнание евреев! – Кордоба вскочил со стула и подошел вплотную к столу, нависая над Торквемадой.

Инквизитор медленно поднялся и угрожающе воздел руки к небу.

– Ты понимаешь, с кем разговариваешь, жалкий еврей?

– Понимаю! С Томазом де Торквемадой – главой Инквизиции и внуком еврейки Инессы! Торквемада медленно опустил руки. Его бледное лицо покрылось красными пятнами:

– Лжешь! – выплюнул он в лицо Кордобе. – Лжешь, грязная свинья!

Кордоба сделал шаг назад.

– Не лгу, и ты это знаешь. У меня, хорошо запрятанная, хранится расписка, которую твоя бабка неосторожно дала моему деду, в обмен на купленные товары. А знаешь, что она покупала? Посуду для Седера! – прокричал он.

Торквемада сел на стул и несколько минут рассматривал Кордобу.

– Для Седера, говоришь, – хмыкнул он. – А ты храбрый, даже, я бы сказал, безрассудный, еврей. Ты думаешь, эта расписка понадобится тебе – мертвому? Или ты надеешься покинуть это место живым? – уже совершенно спокойно произнес он.

Кордоба пожал плечами.

– Даже если я отсюда и не выйду – это не имеет значения. Расписка эта не у меня. И если я не вернусь домой, то она попадет прямо к королю!

– К королю? – усмехнулся Торквемада.

– Жаль, что ты сам не сможешь доставить эту мерзкую бумажку. Заодно спросил бы и про его бабку! Альфонсо мог бы рассказать про нее немало интересного.

Торквемада снова вскочил и зло выкрикнул:

– Вы не только осквернили Бога нашего Иисуса – вы проникли в душу, мозг и кровь Испании! И именно за это пойдете на смерть! Вон отсюда! – прошипел он. – И если ты не хочешь перед смертью испытать небывалые муки – еще сегодня эта расписка должна быть у меня!

Кордоба повернулся и медленно пошел к выходу. Иосиф последовал за ним.

– А тебя как зовут? – вдруг спросил Торквемада Иосифа.

– Иосиф Бен Эзра – растерянно ответил тот.

Так вот, Эзра, к тебе лично я ничего не имею. Бери свою охранную грамоту и побыстрее уходи из страны.

Иосиф побледнел и удивленно посмотрел на инквизитора.

– Да, да, у нас не только длинные руки, но и большие уши! – самодовольно хмыкнул Торквемада. – И не волнуйся, твоему другу Мигелю не сделают ничего плохого за это. Я тоже умею ценить дружбу.

– Иосиф! Пора обедать! – Мириам уже в третий раз звала своего мужа.

Иосиф вздрогнул, посмотрел на нее растерянно и удивленно. Но уже спустя несколько мгновений он тряхнул головой, сбрасывая, как пыль, чугунные мысли, мгновенно превратившись в прежнего – решительного и ироничного хозяина жизни.

– Иду, – сказал он не ей, а себе.
И это была уже дорога, это уже был Исход!

Заканчивалась короткая летняя ночь. Еще до первых лучей солнца, как будто бы по сигналу великого дирижера, со всех концов Испании потянулись караваны повозок, поднимая клубы пыли и грохоча визгливыми колесами по каменистой земле.

Ведомые одной на всех целью, обгоняя друг друга и сталкиваясь, смеясь и плача, евреи покидали Испанию, оставляя за собой километры дорог и дорожек, как будто бы кровь, еще недавно бурлившая в венах и артериях, покидала тело большой страны.

Еще только-только начинало светать. Разбуженные топотом сотен копыт, на улицы и крыши домов высыпали сонные испанцы, удивленно рассматривая движущуюся пеструю массу людей и животных. Они вглядывались в суровые, сосредоточенные лица, иногда узнавая среди них тех, с кем еще вчера вместе поливали потом испанскую землю. То тут, то там с крыш раздавались окрики:

– Иосиф! Менахим! Давид!

Но ни один из узнанных или неузнанных, из названных или неназванных не обернулся, не оторвал взгляд от дороги. Они покидали свою Испанию, свою родину, без оглядки назад, не позволяя тоске и грусти расслабить, захватить в тиски свое сердце. И вдруг, среди шума и грохота, сначала робко и тихо, нарастая, словно лавина, подхваченная сотнями голосов, над пестрой людской лентой понеслась песня:

Шолом, Израэль – мы дети твои.
Шолом, Израэль – мы сердце твое.
Шолом, Израэль – мы слезы твои...

Глава 2

Кельн встретил Иосифа дождем и порывистым ветром. Он остановился у своего знакомого, генуэзского торговца Бенвенутто, любезно предоставившего ему целое крыло обширного дома. Иосиф не любил беспорядок и суету. Брезгливо и раздраженно расхаживая по огромной комнате, натываясь на тюки и сундуки, он обдумывал свои первые действия в этой стране. Иосиф прибыл в Кельн первым, но следом за ним, в течение недели-другой, придут еще, как полагал Иосиф, – сто-сто пятьдесят семей. Он знал свой народ и хорошо представлял, какой гвалт поднимется на узких и чинных улочках Кельна.

«Этого нельзя допустить. Надо сразу и четко организовать эту массу темпераментных единоверцев, расселить их, хотя бы временно, но быстро, чтобы не вызвать раздражения у медлительных и чванливых бюргеров», – думал Иосиф.

Он подошел к зеркалу и осторожно посмотрел на себя.

«*Господи! И в этом мне придется теперь ходить*», – тоскливо подумал он, придирчиво рассматривая купленный только что у генуэзца тесный, сшитый по последней немецкой моде, наряд.

Перед ним стоял совершенно незнакомый мужчина: широкие плечи и тонкую, без всяких признаков возрастного жирка талию, стягивал темно-зеленый бархатный камзол, сверля Иосифа холодным блеском десятка изумрудных пуговиц-глаз. Шею, привыкшую к абсолютной свободе, подпирали жесткий, на твердом костяном корсете, воротник. Бедра обтягивали фиолетового цвета короткие штаны, схваченные чуть выше колен двумя изящными, золотыми пряжками.

«А ты еще ничего», – спустя несколько минут одобрительно подумал Иосиф, надевая на шею массивную золотую цепь с большой, украшенной тончайшим узором фамильного герба Эзра, бляхой.

– Мириам! Мириам! – громко позвал он жену.

Мириам – простоволосая, в одной рубашке, совершенно не скрывающей ее женских прелестей, разгоряченная и покрасневшая, влетела в зал, вопросительно глядя на мужа.

Иосиф иронично улыбнулся, любясь своей женой, и мягко, но решительно сказал:

– Мириам, не нужно столько суеты. Распакуйте только самое необходимое. Мы не задержимся здесь больше нескольких дней. Я еду к герцогу, к обеду не ждите. А завтра, с утра, поедем присматривать нам дом, – еле слышно, в самое ушко, прошептал он ей последние слова, лаская языком тонкую шею.

– Да! Скажи домочадцам, чтобы так не галдели, – уже другим тоном произнес он. – От них с самого утра болит голова.

Иосиф быстро пересек зал, вышел на улицу и ловко, без усилий, вскочил на своего любимца – чистых арабских кровей, шоколадного цвета скакуна.

Прошло уже больше часа. Иосифу порядочно надоело рассматривать убранство приемной дворца герцога Кельнского Герхарда. Это гигантское помещение по архитектуре и мебели разительно отличалось от того, к чему Иосиф привык в Испании. Между огромными, от пола до потолка, узкими, стрельчатыми окнами, с яркими витражами стекол, стояли чучела медведей, лосей, кабанов, в страшном оскале, с ненавистью глядя на соседствующих с ними рыцарей – в полном турнирном и военном убранстве. Вдоль стен, по периметру всего помещения, были расставлены массивные дубовые скамьи, очень жесткие для восточных ягодиц Иосифа. Посреди зала, под огромным, свисающим с потолка на мощных бронзовых цепях светильником, стоял массивный, из того же темно-коричневого полированного дуба, минимум на сто

человек, стол. В углу ярко пылал, не столько согревая, сколько освещая помещение, отделанный темным итальянским мрамором, камин.

«Выдерживает паузу, ставит меня сразу на место», – подумал о герцоге Иосиф.

«Ну что ж, если это единственная демонстрация власти и силы, то не так уж плохо. Бывало гораздо хуже и обходилось», – подбадривал себя Иосиф.

«Посмотрим, насколько ты суров на самом деле», – решил он, удивленно глядя на вошедшего в зал Бенвенутто.

Бенвенутто суетливо улыбался, потирая перед камином озябшие руки.

– Меня позвал герцог, я буду твоим переводчиком, – подмигнул он Иосифу. – Не волнуйся, я с герцогом о тебе уже говорил. Да и рекомендательные письма от да Гаммы и Ганзейского торгового союза что-нибудь да значат. Ты важная птица, Иосиф, – засмеялся Бенвенутто, опускаясь рядом на скамью. – Не волнуйся, – уже другим тоном, серьезно сказал он. – Герцог груб, но не глуп, да и страшен только с виду. Держись твердо и с достоинством. Ты ничего не просишь, ты за все будешь платить – дай ему это сразу понять. Герцог пьяница и мот. Кредиторы обложили его, как кабана на охоте. И твои деньги – это то, что ему сейчас необходимо. Веди речь не о помощи, а о взаимном сотрудничестве и много не обещай, – скороговоркой инструктировал Бенвенутто.

Двери, в противоположном конце, резко распахнулись. Слуга вошел в зал, сделал шаг в сторону и с достоинством поклонился:

– Его высочество герцог Кельнский! – Громко выкрикнул он, трижды гулко ударив о пол металлическим жезлом.

В дверях появился мощного телосложения, средних лет, коренастый мужчина, с брезгливым и надменным выражением на тяжелом, грубо вырубленном и одутловатом лице. Не по возрасту глубокие морщины, симметрично, с двух сторон длинного носа, прорезали лицо – от темных, запойных кругов под глазами, до рыжей и густой, коротко постриженной бороды. Светлые, серо-зеленые, широко разведенные и глубоко посаженные глаза, смотрели тускло и цепко. Герцог плюхнулся в стоящее на небольшом возвышении кресло, жестом предлагая Иосифу и Бенвенутто занять места напротив. Воцарилась тишина. Герцог, нимало не стесняясь, в упор, не мигая, разглядывал Иосифа. Прошло не меньше десяти минут. Герцог зашевелился, сцепил перед собой на солидном животе унизанные перстнями короткие, толстые пальцы и, оторвав взгляд от Иосифа и глядя в никуда, произнес неожиданно высоким для его комплекции голосом:

– Нам уже доложили о твоём приезде. Мы имеем так же рекомендательные письма от Ганзейского союза и другие. Бенвенутто – наш друг и грабитель, – герцог скорее вещал, чем говорил, глядя поверх голов, – тоже просил за тебя и вообще за вас... евреев. Мы не фанатики, как испанцы, и терпимо относимся к другой вере. – Герцог удостоил Иосифа насупленным, из-под мохнатых бровей, взглядом.

– И мы, возможно, очень возможно, разрешим вам поселиться у нас. Но! – Клубок толстых пальцев расцепился, и указательный взлетел вверх. – Но! Какие нам от этого выгоды?хлопоты налицо, а выгода? Какой нам от всего этого толк? – Герцог кивнул головой, давая понять, что слушает Иосифа.

«Вот оно, главное! Молодец герцог. Сразу берет быка за рога», – уважительно подумал Иосиф, лихорадочно соображая, сколько можно предложить денег. Он, изрядно перенервничавший за этот час ожидания, успокаивался. Это была сделка, а в сделках ему, Иосифу, равных нет.

– Ваше Высочество, – с достоинством склонив голову, начал Иосиф. – Я, от себя лично и от имени тех несчастных скитальцев евреев, которым, я надеюсь, Вы милостиво предоставите убежище, приношу глубокую благодарность и уверения...

– Оставь эти церемонии, Иосиф, – раздраженно перебил герцог. – Оставь эти церемонии, не терплю словоблудия. Говори прямо: чего вы хотите? – Он явно давал понять, что Иосиф не посол другой страны, а загнанный в безысходность проситель, ему, герцогу Кельнскому, прямому потомку и наследнику цезарей Римских, не более чем вероятный слуга.

Иосиф побледнел, проглотил комок в горле и, подняв на герцога не столько напуганные, сколько удивленные глаза, произнес:

– Да, Ваше Высочество, Вы правы. Простите, что отнимаю у Вас время пустословием. Сюда, в Кельн, в течение нескольких дней прибудет, думаю, сто пятьдесят – сто семьдесят семей еврейских беженцев из Испании. Это, наверное, около двух тысяч человек. Чтобы не вызывать недовольства и кривотолков, просим выделить часть города для компактного поселения людей. Мы просим разрешения покупать землю и дома, разрешение на самоуправление. Наша будущая община будет самостоятельно вести судебные дела. Мы также просим разрешения беспрепятственно совершать религиозные обряды, заниматься ремеслами и торговлей. Это, в основном, все, о чем мы смиренно просим Ваше Высочество. Все остальное, менее значительное, написано здесь, – Иосиф передал слуге свиток, выдержал паузу, и с расстановкой произнес:

– И за все, что мы просим, разумеется, готовы платить.

Герцог сидел, не меняя позы, и внимательно рассматривал огромный рубиновый перстень на безымянном пальце. Не дождавшись реакции, Иосиф продолжил:

– За каждую приехавшую семью, думаю, что сможем уплатить казне триста золотых гульденов.

Герцог прикрыл глаза, никак не отреагировав на слова Иосифа.

– Это тридцать тысяч только за право обосноваться у вас! За все остальное, разумеется, будем платить отдельно, – закончил Иосиф.

Поведение герцога сбивало Иосифа с толку, выбивало из-под ног почву. Он ожидал чего угодно: споров, торговли, недовольства... но только не безразличия. Прошла вечность. Герцог, наконец, подал признаки жизни.

Со вздохом сожаления оторвав взгляд от перстня, он медленно произнес:

– Ты немало просишь, еврей, но это не лишено смысла. Мы обдумаем твои просьбы и через неделю сообщим о нашем решении. – Герцог взмахнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена. Иосиф встал, поклонился, но не ушел.

– Ваше высочество, простите, но люди могут прибывать уже сегодня. Что делать им до того, как вы сообщите о своем решении?

Герцог удивленно посмотрел на Иосифа:

– Что делать? Ждать! За городом. Каждый въехавший в город без разрешения будет строго наказан. Лично тебя это, разумеется, не касается.

– Но... – Иосиф, не обращая внимания на Бенвенутто, делавшего ему страшные глаза, оставался на месте. – Но...

– Никаких «но»! – Зарычал Герцог, на глазах багровея. – Вы ждали тысячи лет, подождете еще неделю. Это все!

Иосиф низко поклонился уже в спину герцогу и, легонько подталкиваемый Бенвенутто, покинул дворец.

– Ну ты даешь, брат! – Бенвенутто, несмотря на холодную погоду, вытирал платком капли пота со лба. – Ну, ты даешь! Я думал, он тебя убьет!

Иосиф неожиданно громко рассмеялся, и, глядя на перетрусившего итальянца, произнес:

– Не убьет. – Он резко оборвал смех. – Нас больше никто не убьет. А столько денег этот кабан в жизни своей не видел. Испания научила нас многому: мы теперь будем платить только за то, что нам действительно нужно и важно, за то, за что действительно стоит платить, – закончил Иосиф, уже сидя в седле.

– И ты, тоже не бесплатно, поможешь во всем этом разобраться.

Глава 3

Прошло уже больше месяца, но от герцога не было никаких известий. В полудне ходьбы от города, на большой лесной поляне, образовался лагерь. Здесь собралось около двух тысяч человек, ждущих разрешения на поселение. Среди пестрых, беспорядочно раскиданных шатров и навесов, бегали дети и, привлеченные запахом готовящейся пищи, неизвестно откуда взявшиеся собаки. На многие километры, слегка приглушенный деревьями, разносился гул многоголосой, шумной людской массы, собирая, как пчел на запах цветочной пыльцы, окрестных жителей. Те, стоя на почтительном расстоянии, с интересом смотрели на суету этого неведомого, странно одетого, шумного и веселого, даже в печали, диковинного библейского народа. По лагерю сновали герцогские писари, пытаясь, навести порядок и переписать людей по именам и по семьям. Для немцев, тяжело произносимые и еще тяжелее записываемые еврейские имена были настоящей мукой. Да и лица – смуглые, заросшие густыми, черными бородами, казались совершенно одинаковыми. Писари, одуревшие от звуков чужой, гортанной речи, все же не забывали о своем интересе: они продавали за полновесные испанские монеты воду, соль, сахар. Важно, ни слова не понимая, выслушивали просьбы, упреки и требования.

– Запиши, запиши меня и еще восемь человек моей семьи. Я – Давид из Кордобы, – пожилой еврей дергал писаря за руку, суя в нее мешочек с деньгами. – Запиши меня в Кельн.

Чиновник многозначительно кивал головой и быстро прятал деньги в раздувшиеся карманы, – уже раздраемый на части другими просителями.

– И меня, меня тоже в Кельн! Я – Иуда из Сарагосы, обязательно запиши! Давид мой брат, и я хочу жить с ним рядом.

И деньги опять делали свой извечный оборот – из рук в руки, из кармана в карман, от тела к телу.

Лагерь жил своей жизнью, ожидая от власть предержащих решения своей судьбы.

Иосиф – измученный, осунувшийся и похудевший за этот бесконечный месяц, был в ярости. Он знал упрямство и неуступчивость своих собратьев, но это переходило все границы.

– Рабби! – Устало сказал он. – Вы что-то путаете, рабби! Я такой же, как и вы, и я один из вас. Я в том же положении, что и все остальные. И меня тоже, заметьте, никто сюда не звал. То, что я делаю, я делаю по доброй воле и это все, что я могу! Герцог молчит, он набивает цену, он ждет, когда нам всем станет невмоготу и мы развяжем свои кошельки. Надо терпеть, он все равно пустит нас в город. Ему нужны наши деньги.

– Терпеть!?! – Рабби визжал, брызжа слюной. – Мы терпели всю жизнь! Наши отцы и деды терпели! – Он плотал слова и захлебывался ими от возмущения. – Мы терпели в Египте и Вавилоне, мы терпели в Ассирии и Персии, – он загибал пальцы, – а теперь мы терпим в этом вонючем, сыром лесу! Тебе легко говорить, Иосиф. Ты всегда жил, как король, а теперь живешь, как бог! Мы заживо гнием под дождем, а ты утешаешься в объятиях своей жены в собственном доме! И ты призываешь нас терпеть? Где твой страх перед богом, Иосиф? Людям негде помолиться. У нас нет даже нормальных отхожих мест! Лучше было умереть там, дома, в Испании, чем жить здесь, в лесу, на глазах у этих грубых гоев, рассматривающих нас, как диковинных зверей. Иди к герцогу, Иосиф, иди и обещай все, что хочешь, – только пусть скорей закончится этот лагерь. У нас уже умерло двенадцать человек, и мы не смогли даже похоронить их по обряду! – Раввин, наконец, выдохся, сел прямо на землю, зло и одновременно просительно глядя на Иосифа.

– О Господи! – Иосиф воздел руки к небу. – Научитесь слушать, рабби! Я не имею, как и вы, никаких прав. Я не Моисей и я не отвечаю за свой народ; я и так сделал больше, чем мог! Разве не я предупредил всех, там, в Испании, о готовящейся резне? Разве не я уговорил

скотину герцога пустить в Кельн двести семей? Разве кто-то другой ежедневно обивает пороги Магистрата, раздавая направо и налево взятки? Надо терпеть и ждать, рабби! – Устало, но твердо закончил он. – Надо ждать! Я думаю, что сегодня-завтра герцог сообщит нам о своем положительном решении. Он жаден, и он не дурак. Он испытывает наше терпение, но никогда не откажется от той суммы, которую мы предложили. Он понимает, что мы можем в любую минуту свернуть свои шатры и переехать в другое место. – Иосиф развел руками. – Германия велика, и за деньги нас примут везде. Надо терпеть, и делать вид, что все нормально. Я знаю, что писари и соглядатаи ежедневно докладывают герцогу обстановку в лагере. Герцог ждет, что мы сломаемся и пришьем к нему депутацию. И тогда будет не тридцать тысяч, а три раза по тридцать тысяч! Вы готовы уплатить такие деньги? – Иосиф не заметил, как опять перешел на крик.

– Хорошо, хорошо, Иосиф, – ребе обмяк, мгновенно став тем, кем он был на самом деле, – уставшим и больным стариком. – Мы еще подождем. Только помни, Иосиф, – ты действительно не Моисей. Но тебе многое дано, и с тебя за многое и спросится. Делай то, что можешь, не жалей ни времени, ни денег. Заклинаю тебя и благословляю именем бога нашего.

Иосиф мчался по лесу на своем иноходце, не разбирая дороги и не обращая внимание на больно хлеставшие по лицу ветки. Он был взбешен, и эта скачка должна была успокоить его. Иосиф был зол на себя и на ребе, на народ, к которому принадлежал. Он был зол на тупоголовых и медлительных немцев... он был зол на весь мир. Иосиф никогда не кривил душой перед самим собой и, в общем-то, всегда был в ладу со своей совестью, даже тогда, когда она была не совсем чиста. Он не был фанатиком веры, хотя строго соблюдал все ее каноны и жертвовал всегда приличные, соответствующие его положению, суммы на синагогу. Он никогда не просил бога помочь, справедливо полагая, что у того достаточно и своих дел. Он получил в юности блестящее религиозное и светское образование, и досконально изучив Талмуд и Мишну⁴, обладая светлым умом, находил в них достаточно несоответствий и противоречий, чтобы не стать слепым и фанатичным ревнителем веры. Он был рожден для другого. Его стихия – финансы и политика. И вера должна была помогать, а не мешать ему в этом.

«Старая лиса, – он неприязненно вспоминал свой разговор с ребе. – Что он от меня хочет? Я не могу надоедать герцогу и принимать на себя его недовольство и гнев. Все, хватит! Они сами по себе, а я сам по себе», – решил он, уже подъехав к крыльцу своего нового, красивого и просторного дома. На пороге, тревожно переминаясь с ноги на ногу, подждал его управитель.

– Господин! Господин! – Стал кричать тот, не дождавсь, пока Иосиф спешится.

– Господин! Вас вызывают к герцогу!

– Когда? – Иосиф напрягся всем своим существом.

– Уже, сейчас! – Закатив глаза, лепетал управитель.

Иосиф круто развернул коня и помчался во весь дух, уже не слыша продолжающего что-то кричать ему вслед слугу.

В приемном зале собрались все члены городского Совета. Иосиф влетел в помещение, на ходу бормоча извинения.

– Ты заставляешь себя ждать! – Герцог был в особенно дурном настроении: после вчерашнего гуся, залитого десятком кружек ядреного пива, внутри горело, как в аду. И в этом были виноваты все, в том числе и Иосиф.

– Ты заставляешь себя ждать, – еще раз сказал герцог и кивнул головой члену Магистрата – главе гильдии писарей. Тот быстро встал, с шумом отодвинув массивный стул и медленно, с выражением, стал читать развернутый свиток.

---

⁴ Мишна – (второчтение) – сборник устных законов, мнений, преданий – дополнение к Торе, Моисееву первоучению.

– Решением Малого Совета города Кельн, утвержденным его высочеством господином герцогом Герхардом, – писарь поклонился в сторону герцога, – в соответствии с принципами терпимости и человеколюбия, завещанными нам Господом Иисусом Христом – евреям, беженцам из Испании предоставляется убежище в городе Кельне на следующих условиях:

– за право вечного поселения и предоставление имущественных привилегий должно быть уплачено казне – сто гульденов за каждого взрослого и пятьдесят гульденов за ребенка, не достигшего тринадцати лет;

– для проживания, строительства домов, школ, синагог и прочего выделяется место на южной окраине города Кельна, ранее служившее площадью для рыцарских турниров;

– строительство домов и других сооружений должно осуществляться в соответствии с нормами и правилами, принятыми в городе Кельне;

– территория закрепляется за еврейской общиной в вечное пользование и должна быть отделена от остальной части города и содержаться в чистоте и порядке;

– поселение евреев вне обозначенной территории строго запрещается, кроме лиц, имеющих на то специальное разрешение;

– евреи, изъявившие желание заниматься ремеслами и торговлей, должны получить на это специальное разрешение, за которое подлежит уплате налог, устанавливаемый соответствующей гильдией;

– евреям разрешается свободно отправлять религиозные обряды, соблюдать праздники и традиции, за что ежегодно уплачивать казне налог в сумме две тысячи гульденов;

– евреям строго запрещается находиться за территорией поселения позднее десяти часов вечера и ранее шести часов утра;

– евреям строго запрещается покидать территорию поселения во время христианских праздников и религиозных шествий;

– евреям запрещается нанимать на работу и в услужение жителей города Кельна, равно как и других правоверных христиан...

Иосиф уже не слушал старательно, с пафосом говорившего писаря.

«Слава Богу! – внутренне ликовал он, оставаясь внешне беспристрастным. – Слава Богу! Разрешили! Свершилось! Иосифу были безразличны условия, выдвигаемые к евреям; ему было все равно, сколько надо платить и за что».

«Это уже не моя проблема», – думал Иосиф. Даже ограничения в правах не смущали его. Иосиф знал из тысячелетнего опыта, что евреи здесь, в Германии, как и их далекие предки в Египте и в Вавилоне, спустя короткое время добьются всего того, что необходимо, чтобы сделать свою жизнь достойной...

Писарь закончил и, аккуратно свернув свиток, передал его бургомистру.

Иосиф очнулся от своих мыслей под пристальным взглядом Герхарда и медленно склонился в низком поклоне перед членами Магистрата.

На несколько минут воцарилась абсолютная тишина.

– Иосиф бен Эзра! – Голос герцога гулко разнесся над притихшим залом, отразился в высоких стенах и вернулся к Иосифу, впечатываясь ему в мозг.

– Мы так решили, и это закон! Доведи все до сведения евреев. Порядок въезда и прочее ты узнаешь в нашей канцелярии.

– Я? – переспросил Иосиф.

– Да, ты. – Герцог недовольно опустил уголки мясистых губ.

– Мы назначаем тебя главой еврейской общины и будем иметь дело только с тобой. Это все, – можешь идти. Деньги должны быть внесены в казну незамедлительно!

Члены Совета встали со своих мест, одновременно поклонившись герцогу.

– Постой, – уже в дверях услышал Иосиф тихий, вкрадчивый, но не менее властный, чем у герцога голос.

Иосиф обернулся. Архиепископ Кельнский – старик с колючим и цепким взглядом водянистых глаз, обращался к нему:

– В своих синагогах и между собой можете говорить что хотите, но любая попытка религиозных разговоров или споров с жителями Кельна будет незамедлительно караться смертью, – архиепископ прикрыл глаза, давая понять, что он сказал все, что считал нужным сказать.

Иосиф еще раз поклонился, бережно прижимая к груди свиток.

В этом свитке, который он торопился привезти в лагерь беженцев, были законы Магистрата города Кельна, сегодня не менее важные для евреев, чем священные законы Моисея.

Глава 4

Было раннее утро. Дождь, ливший без перерыва последние два дня, решил отдохнуть, оставив на посту косматые, бесформенно-неопрятные тучи. Они, медленно перемещаясь, словно ища удобную позицию для новой атаки, нависали так низко, что, казалось, их можно развести руками. Порывистый ветер по-хозяйски носился по пустырю, раздраженно и задиристо теребя ветви сиротливо стоящих деревьев. Иосиф проворно выскочил из повозки и помог рабби Гершлю выбраться наружу. Рабби, зябко кутаясь в просторный испанский плащ, с силой сжимал руку Иосифа, боясь отпустить ее хоть на секунду. Они молча смотрели на унылый пустырь, некогда бывший местом блистательных подвигов немецких рыцарей. Огромное, превратившееся в сплошное месиво от частых дождей поле, сколько хватало глаз, напоминало картину из потустороннего мира: то здесь, то там хлопая, извивались на ветру, словно сказочные змеи, обрывки пестрых лент на покосившихся мачтах – флагштоках; среди причудливых, с воспаленными волдырями облезшей краски буреломов, бывших некогда трибунами для свидетелей чужой славы, большими и малыми кучами были свалены отбросы и хлам. Над пустырем стояло плотное, годами устоявшееся зловоние. Это была свалка, которой уже много лет пользовались местные жители.

Вдруг рабби часто задышал, зашамкал беззубым ртом и как подкошенный рухнул прямо в грязь, на колени. Он задрал голову и воздел руки к небу; жалкая, седая борода, как указующий перст, нацелилась в еле заметный, образовавшийся между тучами просвет, ведущий куда-то туда, к богу.

– Барух Адонай! Надежда наша и опора! За что испытываешь так детей твоих, Господи? Где взять нам силы, чтобы испить и эту чашу? – Рабби кощунствовал, выплевывая из горла свое сердце. По-стариковски скудные слезы текли из глаз, заполняя, как желобки, морщины на его изрезанном жизнью лице.

– Рабби, перестаньте. – Иосиф с силой оторвал внезапно отяжелевшего старика от земли. – Успокойтесь, Гершель! Поверьте мне, мы сделаем из этой земли сад. Так было всегда и так будет, рабби! Я обещаю вам это, – Иосиф утешал старика, как ребенка, пытаясь очистить его плащ от прилипшей грязи. – Здесь не так уж и плохо. Стоит очистить эту землю от мусора, и все будет выглядеть значительно лучше. Посмотрите – это поле ровное, как пасхальное блюдо. Нам не надо будет сносить холмы, и вывозить землю. Мы за пару недель очистим эти «Авгиевы конюшни»⁵ и начнем строить! Увидите, Гершель, через два-три года здесь будет маленький рай!

Раввин благодарно посмотрел на Иосифа: – Я верю тебе. Да, да, конечно, прости мне эту слабость. Ты ведь знаешь, мне лично ничего не нужно: я стар, и жить мне осталось немного. Но здесь, – Гершель постучал скрюченным подагрой пальцем по груди, – здесь много боли и слез за народ наш. Ты самый сильный и умный среди нас, – раввин неожиданно проворно схватил Иосифа за грудки. – Пообещай, поклянись здесь, перед богом, что поможешь своим братьям выжить!

Иосиф оторвал побелевшие пальцы старика от своего плаща и очень серьезно, глядя ему в глаза, произнес:

– Я клянусь тебе, рабби, что разделю судьбу своего народа, какой бы горькой она не была. А сейчас едем обратно: надо собрать мужчин, организовать телеги и инструмент. Мы уже прямо сегодня и начнем. Дни становятся короче, надо торопиться.

---

⁵ Авгиевы конюшни – огромные и сильно загрязненные конюшни царя Элиды Авгия, очищенные Гераклом (греч. мифология); (*переносн.*) крайний беспорядок, запустение.

Работы на пустыре шли полным ходом. В большой степени этому способствовала неожиданно теплая погода: был конец сентября, но солнце, словно очнувшись от долгой простуды, светило вовсю, согревая землю и души людей.

После долгих и шумных дебатов наконец было принято единственно, пожалуй, правильное решение: женщины, старики и дети остаются в лагере – вплоть до наступления холодов, а все трудоспособные мужчины, включая подростков, мобилизуются на стройку. Работами руководили братья Менаши – единственные во всей общине строители. Сначала было решено вывезти весь мусор: передробить и сжечь его, а затем, с помощью костров, попытаться, насколько это возможно, просушить грязь.

В течение недели был готов общий план поселения, и многие уже знали, на какой из будущих улиц будет стоять его дом.

Иосиф практически не бывал на стройке. Во-первых: это была не его сфера; а во-вторых и в главных: у него было очень много дел в городе. Евреи были кем угодно: ювелирами, гончарами, портными – только не строителями, и могли выполнять лишь подсобную работу. Предстояло договориться с местными мастерами, организовать доставку материалов, обеспечить питание и еще решить множество крупных и мелких вопросов, ежеминутно возникающих в ходе стихийного строительства.

В этой ситуации братья Менаши приняли решение: после приведения территории в порядок строить, в первую очередь, деревянные бараки по всему периметру поселения для того, чтобы люди могли принимать там пищу и жить с наступлением холодов. К тому же, эти бараки должны были служить еще и ограждением территории от огромного количества праздных зевак, каждый день, с самого утра, приходящих поглазеть на этот Вавилон. Иосифу, в кратчайший срок, предстояло договориться с кельнскими и окрестными строителями, посетить каменистые холмы и скупить там весь камень на корню, решить вопрос в Магистрате о продлении на территорию гетто городского водопровода и канализации и прочее, и прочее...

Так было еще сегодня. Но вечером планы Иосифа круто изменились.

Все, что было до этого самым важным и, казалось, совершенно неотложным, вдруг, померкло и отошло на задний план. Причиной этому стал Бенвенутто, поздно вечером, почти уже ночью, тихонько постучавший в дверь дома Иосифа.

Иосиф уже собирался идти спать, когда домоуправитель доложил, что пришел Бенвенутто по неотложному делу.

Они сидели в библиотеке, уютно расположившись у ярко пылающего камина. Ненасытный огонь своими многочисленными и жадными языками нежно ласкал сухие поленья, словно умелый любовник, знающий, как довести женщину до экстаза. Вечно суетливый и шумный Бенвенутто был тих и сосредоточен.

– Иосиф, – начал он. – Ты слышал, наверное, об Альфредо Мальдиве – банкире из Венеции?

Иосиф кивнул. – Я даже имел с ним кое-какие дела.

– Так вот, – итальянец поудобней уселся в кресле, – Мальдиве, вместе со своим братом из Генуи, завтра должны приехать ко мне, в Кельн. У них очень выгодное и, не скрою, рискованное предложение. Об этом мне сказал приехавший по торговым делам два дня тому назад поверенный Мальдиве.

Бенвенутто внезапно замолчал, завертел головой, прислушиваясь, и, поднявшись, «на цыпочках», подошел к двери. С минуту постояв, он резко распахнул ее и выглянул наружу:

– Фу-у! Показалось, – облегченно произнес он, возвращаясь на место.

Иосиф удивленно поднял брови: – Чего ты боишься, Бенвенутто? В этом доме нас никто не услышит. Да если бы и услышал, здесь нет никого, способного понимать что-либо в делах.

Бенвенутто скорчил гримасу:

– А не надо ничего понимать: достаточно сболтнуть где-нибудь и нам с тобой... – он ловко обвел пальцем вокруг шеи и вздернул его вверх.

– Ну, ты прямо, как заговорщик, – усмехнулся Иосиф.

Бенвенутто побледнел, пристально посмотрел на Иосифа и, не увидев в его глазах скрытого смысла произнесенных только что слов, возразил:

– Осторожность никогда не помешает, особенно в таком опасном деле.

– Ну ладно, Бенвенутто, что за страхи к ночи? – Иосиф, заинтригованный, нетерпеливо подталкивал итальянца начать, наконец, разговор.

– Так вот, я тебе как-то говорил, что герцог и его приближенные, как свиньи в грязи, купаются в долгах. Что ни день – новый пир и охота. Наряды и дорогие безделушки без счета заказываются во Франции и Италии. Все это, как ты понимаешь, стоит баснословных денег. К герцогской казне, и без того дырявой, намертво присосались пиявки – вельможи долизывают капли давно утекшего золота. Герцог ничего не хочет слышать об экономии, да и ничего в этом не понимает. Он делает все новые и новые займы, не думая, что когда-нибудь придет время отдавать долги. Герцог рассчитывает на очередную войну и передел земель, где надеется отхватить кусок пожирнее...

– Бенвенутто! – Иосиф встал с кресла и подкинул в огонь поленьев. – Зачем ты мне рассказываешь все это на ночь глядя? Я сочувствую герцогу, но у меня своих проблем выше крыши. Что ты от меня хочешь? Долги герцога – это что, такой страшный секрет, чтобы умирать, как ты только что, от каждого шороха?

– Подожди, не кипятись, – Бенвенутто отпил из кубка большой глоток подогретого вина, – дослушай до конца, это важно! Это очень важно, поверь мне, Иосиф. Это может быть важнее всего, что у нас с тобой было и есть за всю нашу жизнь! Это пахнет невиданными барышами, или... – Бенвенутто сделал паузу, пристально глядя в глаза Иосифу, – или крахом, – тихо закончил он.

– Да говори же, наконец! Что ты тянешь, как собаку за хвост? – Иосиф даже не пытался скрыть волнение, передавшееся ему. – Почему долги герцога могут быть так важны для меня, тем более, как ты говоришь, обернуться катастрофой?

Бенвенутто проглотил комок в горле, и в его глазах Иосиф отчетливо прочел сомнение, и еще что-то неуловимо неприятное, промелькнувшее на одно короткое мгновение. Иосифу показалось, что Бенвенутто, долго кругами ходивший вокруг чего-то очень важного, вдруг испугался и передумал.

– Говори все, как на духу, поздно поворачивать назад, – не то обнадежив, не то припугнув, делая ударение на каждом слове, сказал Иосиф.

– Хорошо, – Бенвенутто жадно, в несколько глотков, допил остатки вина и вытер по-крестьянски, тыльной стороной ладони, губы. – Хорошо, быть посему: Мальдивы скупил по дешевке, у потерявших всякую надежду кредиторов, герцогские векселя и закладные на огромную сумму и уже давно и безуспешно пытается их перепродать. Насколько я знаю, ему никто не дает даже треть от истинной стоимости этих бумаг.

– Почему? – Иосиф напрягся, как борзая перед прыжком.

– Потому, что никто не хочет связываться с Герхардом, – словно ожидая этот вопрос, мгновенно ответил Бенвенутто.

– Как можно выбить из него долги? Объявить войну, пожаловаться Папе? Плевать он хотел на Папу. Герцог, как и многие другие германцы, заглядывает в рот этим выскочкам-реформаторам. А воевать... смешно. Герцог беден, но силен и влиятелен. Он сам ищет повод затеять какую-нибудь драчку и поправить свои финансовые дела.

– Так, так, продолжай. – Иосиф хотел, чтобы Бенвенутто выговорился до конца.

– Все, нечего продолжать, – почему-то насторожился Бенвенутто. – Думай теперь сам.

Иосиф ухмыльнулся: – Нет, дорогой, так дела не делаются, – тон Иосифа стал жестким.

– Пришел – говори все до конца. Нет – забыли, и доброй ночи.

– Хорошо, хорошо! – заерзал в кресле Бенвенутто. – Мальдивы в отчаянии. У него векселей почти на двести тысяч! Брать их никто не хочет, а самому Мальдивы герцога не достать. При сегодняшнем положении вещей эти бумаги – просто бумага. Но завтра! – Бенвенутто закатил глаза к потолку и прищелкнул языком. – Завтра это деньги и власть, – закончил он.

– Это все? – Иосиф инстинктивно подвинул кресло поближе к Бенвенутто.

За окном была глубокая ночь. Завтра стояло уже у порога. И от того, чем кончится их разговор, зависело, каким оно будет.

– Все, как на исповеди, – Бенвенутто, как будто бы переложив тяжелую ношу на чужие плечи, сразу стал спокойным.

– Один вопрос, Бенвенутто. – Иосиф снова встал с кресла и подошел к камину, всматриваясь в причудливые язычки пламени. Что пытался он там увидеть? Будущее? Ответ на вопрос, который он сейчас задаст? Лицу стало жарко. Иосиф медленно повернулся к Бенвенутто:

– Один вопрос: зачем ты мне все это рассказал?

– Я хочу рискнуть. Мальдивы в отчаянии, а значит, не способен сохранять ясную голову. Долги герцога он готов продать меньше, чем за треть. Но у меня все равно нет таких денег. Я предлагаю купить эти бумаги нам вместе.

Иосиф кивнул головой.

– Хорошо, допустим, а дальше? Как мы выйдем из герцога деньги? Да он, стоит только заикнуться, повесит нас с тобой на рыночной площади.

– И не заикайся... пока. – Бенвенутто пожал плечами. – Сегодня герцог бог и царь. А завтра? Векселя и закладные, как тебе известно, не имеют срока давности: их можно предъявить в любое время и не только герцогу. Пойми, Иосиф, я здесь живу уже шесть лет и вижу, как на глазах растут города и торговля; я вижу, как Германия из отсталой страны превращается в цивилизованное государство, где слово Закон перестает быть пустым звуком. Наш герцог живет сегодняшним днем, без оглядки, и у него, поверь мне, много врагов. Наступит время, и мы сможем, не опасаясь, предъявить бумаги ему или кому-нибудь другому, кто будет знать, что с ними делать, и запросить за них втридорога!

– Или обменять, – задумчиво произнес Иосиф, – обменять, например, на право взять всю торговлю в герцогстве в свои руки, самостоятельно устанавливать налоги и пошлины...

Бенвенутто часто закивал головой:

– Я знал, что ты меня поймешь, Иосиф. Так что – по рукам?

Иосиф на некоторое время задумался.

– С этим надо переспать, – ответил он с улыбкой. – Мальдивы ведь приедет в любом случае, я правильно понял тебя, Бенвенутто?

– Да, конечно, – Бенвенутто как-то сразу сник. – Только, как ты сам понимаешь, Иосиф, мы с тобой должны все решить между собой еще до его приезда. – Голос Бенвенутто задрожал, выдавая волнение.

Иосиф пристально посмотрел на итальянца.

– А мы уже все и решили. – Улыбнулся он. – Давай своего Мальдивы, попробуем.

Они встретились в доме у Бенвенутто. Все многочисленные домочадцы были заблаговременно отосланы прочь, двери и окна плотно закрыты.

Разговоры о погоде и ценах запивались рейнским вином и заедались итальянскими фруктами. Внешне Мальдивы, вопреки предположениям Бенвенутто, совершенно не произвел на Иосифа впечатление удрученного и озабоченного человека. Наоборот, он был весел, и всем своим видом показывал, как искренне рад снова увидеть своих старинных приятелей. Складывалось впечатление, что пустая болтовня и есть цель его визита в Германию. Бенвенутто, наоборот, сидел, как на иголках, отвечал невпопад, нервно покусывая губы. Иосиф, приняв

условия игры, с приветливой улыбкой, все расспрашивал Мальдивы о последних новостях Италии и Испании, проявлял живой и неподдельный интерес к политической обстановке в Европе. Он хорошо знал: кто первым выкажет нетерпение, тот первым, в конечном счете, уступит в главном. Наконец, когда за окном уже наступили сумерки, после очередной, наиболее продолжительной паузы, Мальдивы, как бы невзначай, произнес:

– Да, кстати, друзья мои, у меня к вам есть интересное дельце.

Глава 5

Зима в этом году наступила рано и сразу. Ночные заморозки, покрывавшие землю тонкой ледяной коркой, сменились белым, пушистым снегом. Зима, вместе с невиданным евреями снегом, подарила холода и проблемы: стройка была заморожена в прямом и переносном смысле. Люди ютились в бараках по шестьдесят – семьдесят человек в каждом; спали вповалку, укутанные коврами и тряпьем, согревая друг друга теплом своих тел. В бараках топили «по-черному». Едкий и смрадный дым стелился низко над полом, надолго зависал, медленно подтягиваясь к многочисленным щелям в стенах и крыше. Особенно страшно было по ночам: бесформенная масса людей, переплетенная, как змеиный клубок, была в постоянном движении: то здесь, то там, клубок распадался и люди протискивались к раскаленной печке, чтобы урвать для себя кусочек спасительного тепла. Утро, тяжелое и серое, заглядывало в маленькие амбразуры затянутых слюдой окошек, принося с собой стоны и хрипы, кашель и боль. От холода и сырости, которая пробивалась даже сквозь толщу снега, в гетто начались поварные грудные болезни: каждый день умирало несколько человек. По воле Бога, или по прихоти случая, первым завершенным в гетто объектом оказалось кладбище – могилы поднялись раньше, чем дома.

Иосиф, с ввалившимися от хронического недосыпания глазами, отбросив приличия и церемонии, путая немецкие и испанские слова, кричал в лицо бургомистру:

– Я плевать хотел на ваш закон. Жизнь – вот главный закон! И она диктует свои условия. Еще немного времени и у нас будет больше могил, чем людей! Вы хотите мертвых евреев? Мертвые не мешают, но и не платят. Вам наплевать на нас, но подумайте о том, что вы не получите больше ни одного пфеннинга! Не за что, да и некому будет платить. – Иосиф нависал над чиновником, готовый вцепиться ему в горло. – В городе достаточно постоянных дворов. Разрешите поселиться там нашим старикам и детям.

Чиновник тускло смотрел на Иосифа. В его сытую и почетную жизнь, как наказание божье, свалились эти евреи.

– Успокойся, Иосиф, – он встал из-за стола и, на всякий случай, отошел подальше, к окну. – Что я могу сделать? Ты живешь здесь уже не один месяц и должен понимать, что Магистрат практически ничего не решает. Я готов сегодня сделать все, что ты просишь и мне не нужны ваши смерти. Но это может решить только герцог, или... – он на секунду замялся, – или его жена. Эта стерва, прости Господи, лезет во все дела и мешает нам жить еще больше, чем сам Герхард. Пожалуйста, одно слово – его, или ее, мне все равно, и я сам, с удовольствием, помогу вам. Но, Иосиф, герцог пьет уже неделю – он брезгливо ткнул пальцем в ворох бумаг, лежащих на столе. – Видишь? Это все не терпит отлагательства, это все давно уже должно быть им подписано. Я пробился третьего дня к герцогу и не успел даже открыть рот, как он запустил в меня пивной кружкой. Что скажешь, Иосиф? Хочешь – иди к нему сам. Одно его слово, и я лично перевезу всех вас в город. Только предупреждаю – герцог в запое, а это всегда опасно. А теперь можешь идти. Здесь ты ничего не решишь.

– А, Иосиф! Кто тебя звал? – герцог сверлил вошедшего мутными глазами.

Некогда огромные свечи, оплывшие уже почти до конца, едко чадили. Герцог полулежал во главе стола среди уже полумертвых от выпитого и съеденного гостей. На столе все смешалось в одно фантастическое блюдо: каплуны и рыба, овощи и дичь. Красное вино, из опрокинутых кубков и бокалов, словно кровь из растерзанного брюха фантастического зверя, стекало на пол, образуя лужицы, вылизываемые скулящими собаками. В давно не проветриваемом, жарко натопленном помещении, стоял спертый, тяжелый запах пота и пищи.

– Что тебе надо, главный еврей? – герцог звучно отрыгнул, тяжело ворочая языком.

– Хочешь кушать? Или евреи срочно решили выкреститься? – герцог натужно загоготал. – Или ты брезгуешь нашей едой? – он навалился на стол, с третьей попытки попав дрожащими руками в стоящее перед ним, почти не тронутое, огромное блюдо с хорошо прожаренным поросенком, погрузил обе руки глубоко вовнутрь и, выдрав огромный кусок, поднес его к своим выпученным глазам. Жир, сквозь пальцы, густо капал на камзол.

– На, ешь! – он резко протянул мясо Иосифу.

Иосиф инстинктивно отшатнулся.

– Что, не хочешь? Боишься своего Бога? Так его здесь нет. Он ничего не узнает, если я ему не скажу. – Ну! – зарычал герцог. – Какого черта, как ты посмел сюда явиться?

Гости – двенадцать человек разного возраста – начали шевелиться, возвращались к жизни, тупо глядя на Иосифа, и пытались сосредоточиться на происходящем.

– Ты, жалкий еврей, – герцог, увидя оживление своих собутыльников, разыгрывал спектакль, – должен являться, когда тебя вызывают. Я тебя звал?

Собака, мирно дремавшая у ног герцога, услышав резкие ноты в голосе, зарычала, попеременно глядя то на одного, то на другого.

Иосиф стоял как вкопанный; желваки под тонкой кожей его лица метались, словно мельничные ветрила. Он был взбешен и, что случалось с ним чрезвычайно редко, потерял самообладание.

– Герцог! – (без «Ваше Высочество») – выдавил он из себя. – Я, жалкий еврей, действительно явился без вызова и обещаю впредь не приходить ни по вызову, ни без него. Мне лично давно уже ничего не нужно, тем более от «Вашего Высочества», – Иосиф с трудом справлялся с яростью, еще пульсирующей у него в мозгу. – Мои люди мрут, как мухи, замерзая в вашем цивилизованном и благополучном городе. Я взываю не к вашему христианскому сердцу, но к вашему герцогскому рассудку: если сейчас, немедленно, вы не соизволите разрешить до наступления весны поселиться нашим старикам и детям на постоянных дворах, то завтра мы, пока еще живые, уйдем отсюда, может быть, в менее удобное, но более гостеприимное место.

Герцог, обычно долго и мучительно выходящий из запоев, трезвел на глазах.

– Ты мне угрожаешь? – и без того пунцовое, его лицо пошло малиновыми пятнами. Он тяжело и часто задыхался, рванул на себе ворот камзола. В абсолютной тишине, усиленная эхом, резко прозвучала барабанная дробь рассыпавшихся по полу пуговиц. Герцог приподнялся на стуле, безуспешно пытаясь вскочить, захрипел, царапая пальцами горло.

«Сейчас с ним случится удар», – тоскливо и как-то безучастно-отстраненно подумал Иосиф, растерянно оглядываясь на герцогских гостей. Молодой человек, сидящий прямо напротив герцога и выглядящий менее помятым, чем остальные гости, подбежал к Герхарду с бокалом воды. Герцог трясущимися руками поднес стакан к губам, опрокинул в горло, с глухим клеткотом втягивая в себя воду. Краска постепенно стала сходить с его лица – он успокаивался, и это спокойствие, еще не полностью овладевшее им, показалось Иосифу страшнее предыдущего гнева. Герхард внимательно, как будто бы впервые увидев, с угрозой посмотрел на Иосифа: – Иди, спасай своих евреев сегодня. А завтра я тебя жду здесь, у меня. И завтра мы увидим, кто спасет тебя.

Холодный огонь в его глазах пожирал остатки пьяного тумана. Он резко оттолкнул от себя собаку, прировнившую голову у него на коленях.

Это был седьмой и, по вине Иосифа, последний день герцогского пира.

Глава 6

Маргарита фон Мекленбург – двадцатипятилетняя принцесса Саксонская, герцогиня Кельнская, графиня Мекленбургская и «семилетняя» жена герцога Кельнского, прогуливалась возле пруда, в дальнем конце дворцового парка. Был солнечный, зимний день, один из дней, за которым уже проглядывает долгожданная весна, с ее веселыми каплями и надеждами. Маргарита сошла с очищенной от снега дорожки и осторожно и сосредоточенно погружала ноги, обутые в изящные сапожки, в глубокий, постаревший и рыхлый, предвесенний снег. Вчера она вернулась из Анхальта, от своей молоденькой кузины, где прогостила, без малого, четыре недели.

«Какая же она счастливая!» – с досадой и грустью думала о кузине Маргарита. Абигайль – так звали кузину – была единственной дочкой и наследницей бургграфа Ритенберга – фактического правителя Анхальта. Ей было только восемнадцать лет, но она уже два года, как стала женой красавчика Луи де Бюсси – сына родовитого и богатого французского вельможи из Авиньона.

Абигайль, тесно прижавшись к Маргарите, с самым невинным и счастливым выражением на лице, бесстыдно делилась интимными подробностями своей супружеской жизни. Хихикая и щекоча дыханием лицо Маргариты, рассказывала, как ее ненасытный Луи каждую божью ночь своим огромным орудием, по многу раз, в самых немислимых местах и позах, засекает ее плоть райским, сладострастным до боли наслаждением.

Маргарита, краснея и бледнея попеременно, закусив до крови губы, купалась в счастье своей молодой подружки; жадно ловила каждое слово, впечатывая его в свое не знающее любви сердце.

Их брак с герцогом был бездетным. Маргарита знала, что у Герхарда есть внебрачные дети от простых крестьянок, которых он периодически заваливал на траву, в самых разных уголках своих поместий. Добрые люди нашептывали ей об этом, – то ли желая стать к герцогине поближе, то ли просто стремясь доставить ей неприятности. И все же Маргарита не считала себя виновной в их бесплодном браке.

Первой брачной ночи у нее не было. Как же она ждала эту ночь: со страхом и любопытством, с сомнениями и надеждами! Их грандиозная свадьба, на которой присутствовали королевские особы чуть ли не со всей Европы, длилась целую неделю. После первого дня Маргарита, изнемогающая под тяжестью роскошного свадебного наряда, уставшая от многочасового застолья, медленно раздевалась в незнакомой, огромной супружеской спальне. Фрейлины и статс-дамы⁶ натирали ее пахучей водой и маслами, хихикали и восхищались ее стройным, еще по-девичьи угловатым телом.

Оставшись, наконец, одна, уже за полночь, Маргарита откинула роскошное одеяло на необъятном супружеском ложе, со страхом и любопытством ожидая незнакомого, уже взрослого мужчину, ставшего сегодня ее мужем. Часы, стоящие у окна, в дальнем конце спальни, беспристрастно отсчитывали минуты, никак не желая попадать в унисон с гулкими и частыми ударами сердца, бившегося почему-то где-то в горле у Маргариты. Она тяжело забылась уже под утро, когда первые лучи солнца узкой золотой дорожкой любопытно заглянули в ее спальню. Герцог не пришел, как не пришел и на завтра.

Все случилось позже – на шестой, или седьмой день, когда Маргарита, пообвыкшись в чужой обстановке, сладко спала, свернувшись калачиком, на огромном и холодном супружеском ложе. Гости наконец разъехались, погасли день и ночь горевшие свадебные свечи. Последний стук лошадиных копыт, уносящий с собой смех задержавшихся гуляк, забрал прочь суету

---

⁶ Фрейлины, статс-дамы – дворянки, находящиеся в услужении при королевах, принцессах и т. д.

и волнения. Маргарита проснулась от напугавшего ее прикосновения жадных и настойчивых рук, больно сжимавших ее грудь. Она вскрикнула, попыталась приподняться и задохнулась от влажных губ, наполнивших ее застоявшимся, тяжелым и хмельным духом. Герхард, навалившись всем своим грузным телом, тяжело дыша и хрюкая, что-то делал с ней гадкое и непристойное. Спустя несколько минут он сполз ниже, рывком широко развел в стороны ноги Маргариты и резкая, внезапная боль где-то в самом низу огнем обожгла ее. Герхард часто задышал, напрягся и, спустя мгновение, ослабив мертвую хватку рук, отвалился. Маргарита лежала на спине, бездумно уставившись широко раскрытыми глазами в потолок. Боль постепенно уходила. Она уже не рвала ее на части, а тупая, ноющая и пульсирующая, поднималась куда-то выше, наполняя ее тоской и брезгливостью.

Слава Богу, Генрих посещал ее не часто. Он был занят охотой и пирами; надолго задерживался в разных концах своих обширных владений, услаждая плоть с дебелими и непритязательными крестьянками. В первый год их супружеской жизни это корбило Маргариту: она стеснялась злорадствующих и сочувствующих слуг, вопросов и недомолвок своих подруг и гостей. Потом это прошло. Ее характер менялся; из мечтательной, сентиментальной девочки Маргарита вырастала в холодную, надменную и властную герцогиню. Она подолгу занималась делами, правила – сначала в отсутствие, а потом и не стесняясь присутствия герцога – неожиданно жестко и решительно. Власть, которую герцог легко и с удовольствием переложил на ее плечи, заменила ей то, о чем захлеб рассказывала кузина Абигайль.

«Что ж, пусть глупая кузина побарахтается еще в постели со своим жеребцом Луи. Это пройдет – годы возьмут свое, и ее ложе тоже станет пустым и холодным. А власть, почти неограниченная власть над десятками тысяч ненавидящих, боящихся и благоговеющих передо мной людей, останется до конца», – думала Маргарита, пытаясь справиться с тоской и тревогой.

Впрочем, все было так и не так...

В одну из беспокойных ночей, когда разбухшая от старости луна, отраженная и изуродованная толстыми стеклами окон, стояла особенно тяжело и низко, Маргарита никак не могла уснуть, ворочаясь на влажных от пота простынях, в ставшей вдруг тесной и душной спальне. Кровь, мощными толчками, прилиwała к голове, стучала в висках десятками ненавистных молоточков; тело, тяжело налитое соками и напрягшееся, готово было вырваться из сдавливающей его кожи. Маргарита хрипло и протяжно застонала, сорвала прилипшую к телу рубаху и встала с постели на каменный, приятно холодящий ноги, пол. Она резко распахнула окно... стояла долго, широко раздувая ноздри, вдыхала терпкие запахи ночи. Ее рука тревожно легла на округлившиеся груди. Кровь медленно уходила из головы, делая ее невесомой и ясной. Она прислушалась к своему телу – впервые незнакомому и непослушному, и ее рука, скользнула от груди к животу, опустилась в самый его низ – туда, где замерла, остановилась тяжелая кровь, где медленно и тяжело разрасталось нечто – сейчас, немедленно требуя свободы. Ее ноги напряглись, колени слегка согнулись, и дрожащие пальцы погрузились в лоно. Тело стало каменным и чужим, по нему сначала суетливо и часто, нарастая и ширясь, прокатилась дрожь. Пальцы задвигались смело и резко. Маргарита выгнула спину, хрипло, по-звериному задышала... задержалась, и обессиленная и удивленная, держась за стену, сползла на пол...

Этот грех, самый сладкий и тайный, с тех пор она совершала умело и часто. Это была ее месть герцогу. Это делало ее независимой и самодостаточной, и это оставляло ее бесплодной...

Маргарита очнулась от своих мыслей, почувствовав, что промочила ноги. Она выбралась на дорожку. Ей вдруг стало неуютно и холодно.

«Домой», – сказала она себе и быстро направилась во дворец.

Прошло несколько дней. Иосиф метался по дому, нигде не находя себе места. Он вздрагивал от каждого шороха и звука, покрывался холодным и липким потом. Это был Страх, это был король страхов, доселе никогда в жизни им не испытываемый. Каждую минуту Иосиф

ждал, что в его дверь постучат и особая – королевская – стража ответит его к палачу. Это был даже не страх смерти: смерть – это гораздо проще. Это был страх унижения, публичного презрения, несостоявшихся надежд, а потом уже смерти.

За эти несколько дней он постарел и осунулся. Сначала просто темные, бессонные круги почернели, слившись с глазами, и превратили лицо в сплошную черную маску. Долго так продолжаться не могло, и на восьмой день своего добровольного заточения Иосиф, с провалившимся сердцем, осторожно вышел из дома, каждую секунду ожидая нападения и ареста. Его страх оказался больше опасности, этот страх породившей: улица жила своей обычной, ежедневной жизнью. Напротив дома, из мастерской башмачника, доносились размеренные удары молотка по коже; из булочной валил пар и сладкий запах свежего теста. Иосифу стало досадно и стыдно. Он еще раз воровато оглянулся и стал жадно вдыхать свежий воздух – остро, каждой клеточкой своего тела ощущая запахи жизни, на которые в спешке и суеде он никогда раньше не обращал внимания. Постояв несколько минут, Иосиф прошелся по улице, разминая ноги, и направился на задний двор своего дома, в конюшню, где застоявшийся в безделье жеребец, почувствовав запах приближающегося хозяина, радостно и призывно заржал.

В Магистрате Иосиф с некоторой досадой обнаружил, что за время его добровольного заточения жизнь не остановилась; более того, его отсутствие, казавшееся Иосифу просто смертельным для еврейской общины, было никем, в общем-то, не замечено. Бургомистр встретил Иосифа приветливо, кивнул, приглашая садиться, и продолжил разговор с секретарем по поводу нового указа о ленных привилегиях для гильдии строителей, которых, как знал Иосиф, давно и безуспешно добивался город у герцога. Иосиф слушал рассеянно, в пол-уха, думая о том, как, не вызывая удивления, выспросить поподробней о делах последних дней. Ему казалось, что уже все знают о его страхе и малодушии, – качествах, которые Иосиф всегда презирал в других и сейчас ненавидел в себе. Ничего не подозревающий и не заметивший бургомистр, отпустив, наконец, секретаря, охотно рассказал, что уже три-четыре дня, как евреи расселены на постоянных дворах; герцог, после грандиозного застолья, отлежавшись пару дней, вчера отбыл с многочисленной свитой к герцогу Люксембургскому – погостить, а заодно и разведать о возможности разжиться у скупого и богатого люксембуржца деньгами; что недели три-четыре, если Богу будет угодно, ожидается спокойная и размеренная жизнь, а там, не за горами, весна, которая – как Иосиф убедится сам – у них прекрасная и лучшая на всей Земле.

Иосиф покинул Магистрат, сел на коня и внезапно почувствовал: что-то в нем надломилось. Он бесцельно, медленно двигался по площади, тревожно прислушиваясь к возникшему в нем ощущению – впервые за несколько месяцев, не зная, куда себя деть. Ехать домой не хотелось – несколько дней добровольного заточения требовали перемен. В лагерь? Зачем? – Иосиф с ревностью и обидой подумал, что они прекрасно обошлись без него, даже не догадываясь, чего стоило Иосифу получить у герцога разрешение на их расселение. Да и к расспросам по поводу своего отсутствия Иосиф был сейчас совершенно не готов. Сделав несколько бесцельных кругов по Ратушной площади, он, для самого себя неожиданно, направил коня к ближайшей кнайпе⁷.

В кнайпе, расположенной в полуподвале большого жилого дома, царил полумрак. Время только перевалило за полдень, но внутри оказалось неожиданно много народа: крестьяне – раскрасневшиеся на утреннем морозе, только что распродавшие на ярмарке свою нехитрую продукцию, недоверчиво оглядываясь, бережно развязывали заскорузлыми пальцами мешочки с серебром, требуя вино и капусту. Отдельно, шумно обсуждая последние новости, в бесформенных и закопченных кожаных фартуках, по-хозяйски расположились коренастые куз-

⁷ Кнайпа – пивная.

нецы и чеканщики, сжимая в пудовых ручищах кружки с глинтвейном⁸. В дальнем и темном углу, в стороне от основной публики, отличаясь одеждой и манерами, обедала четверка смуглых итальянцев – скорее всего купцы, приехавшие разведать обстановку в городе. В воздухе стоял густой запах тушеной капусты и вареного мяса. Это было как раз то, что сегодня нужно Иосифу. Он хотел побыть один, среди случайных, незнакомых людей, которым не было до него дела. Иосиф чувствовал, что помимо его воли внутри вызревает нечто неподвластное ему и не контролируемое им; нечто, способное если и не изменить его жизнь, изменить его отношение к ней.

Иосиф выбрал не очень чистый, но отдельно стоящий столик, как бы спрятанный в тени чучела огромного, во весь рост медведя, и заказал себе кружку горячего вина.

Морозы в этом году ушли рано. Был конец февраля, и еще холодное, но уже подающее надежды солнце подолгу задерживалось над городом, медленно, словно нехотя, уходило за лес, чтобы назавтра обязательно вернуться обратно. Стройка возобновилась. Люди, пережившие первую свою настоящую зиму, возвращались к жизни, оживая вместе с природой.

Весь последний месяц Иосиф бездельничал. Он практически не выходил из дома, много читал, подолгу, даже днем, отсыпался. Мириам, всегда со времени их женитьбы, видевшая мужа урывками, была вне себя от счастья и тревоги. Иосиф очень изменился: он стал более внимательным и терпимым; всегда умелый – стал еще ласковей в постели. Они подолгу гуляли в парке. Молчали. Мириам заглядывала ему в глаза, пытаясь понять причину произошедших в муже перемен. Иногда она не поспевала за ним, отставала, с тревогой и любовью глядя ему в спину. Иосиф продолжал шагать, глубоко погруженный в мысли или безмыслие, подолгу не замечая, что Мириам уже нет рядом.

Они познакомились два года тому назад в Толедо, во время веселого осеннего праздника Суккот⁹. Мириам, которой третьего дня исполнилось пятнадцать лет, с визгом носилась вместе с подружками по просторному, празднично украшенному пальмовыми ветками и виноградными лозами шалашу; ела финики и инжир, фисташки и виноград. Ее детское сердце шумно и радостно стучало в полной, красивой женской груди. Уже ближе к вечеру, когда шалаш практически опустел, полог вдруг широко откинулся, впустив в полумрак яркое солнце, и Мириам, как на скалу, с разгона налетела на высокого, роскошно одетого, широко и белозубо улыбающегося мужчину. Она испуганно замерла, подняла по-детски бесстыдные глаза на вошедшего и залилась густой пунцовой краской.

Иосиф стоял на пороге света и тени – прекрасный, как языческий бог, крепко держа Мириам сильными руками. Мириам фыркнула и попыталась освободиться. Незнакомец, почувствовав это, засмеялся, прижал ее еще сильнее и, притворно насупив брови, легко оторвал ее от земли, поцеловал в губы. Мириам задохнулась; сердце, стучавшее мелко и часто, вдруг сбилось, ухнуло и провалилось. Она по-детски задергала ногами, уперлась кулачками ему в грудь и еле слышно, протяжно и обиженно прошептала:

– Пусти-и...

Иосиф чуть отодвинул Мириам от себя, бережно опустил на землю и, слегка разжав ее кулачок, оставил в нем что-то тяжелое. Он направился к выходу и, уже взявшись рукой за полог, – передумал, резко повернулся, и, пристально посмотрев на Мириам, быстро ушел – как и не был. Мириам долго и растерянно смотрела вслед исчезнувшему видению. Подружки стали тормошить ее, требуя показать, что оставил в ее руке незнакомец. Мириам очнулась, замотала головой, прогоняя уже не детские мысли, и разжала кулачок. На потной ладони, переливаясь

---

⁸ Глинтвейн (Glühender Wein) – подогретое красное вино с сахаром и специями.

⁹ Суккот – праздник уборки урожая – «уборки из гумна и из погребца» (хаг га асиф – *евр.*).

всеми оттенками крови, сверкал изящный, золотой в рубиновой россыпи, тончайшей работы перстень.

Они жили бедно. Мириам была седьмым, самым младшим и любимым ребенком в семье Илиазара Эштеля – десятника на оливковых плантациях богатого помещика – дона Кристо-баля Писарро. Спустя неделю, когда прекрасный и неземной образ незнакомца превратился в утратившее реальные черты сказочное воспоминание, когда запах, мужской и сильный, перестал слышаться Мириам по ночам, – у худой ограды их старого дома послышался мерный стук лошадиных копыт...

Свадьбу, многолюдную и веселую, сыграли через месяц. Мириам казалось, что это сон. Она вдруг стала самой важной персоной на целом свете. Как манна небесная, на нее посыпались прекрасные подарки – вещи, о существовании которых она даже не догадывалась: драгоценности, золотая и серебряная посуда, прекрасная одежда и греческие вазы. А потом, потом был ее солнце и бог! Он целовал ее медленно и нежно, почти не касаясь, а задевая, как мягкий ветерок, своими нежными губами; изучал, познавая вместе с замирающей от ужаса и желания Мириам ее тело и... не трогал.

И только через несколько дней, когда Мириам, привыкшая к присутствию мужской плоти, перестала дрожать и покрываться мелкими пупырышками, вошел в нее медленно и нежно, сделав Мириам взрослой и счастливой. Он был и оставался для нее богом. Единственным, что омрачало ее сказочную жизнь, было отсутствие наследника и продолжателя рода, которого она всеми фибрами души мечтала подарить Иосифу.

Глава 7

Иосиф шел по центральной улице еврейского поселения, которое, как и многие другие, спустя много лет, было названо одним очень емким, обидным и страшным словом – гетто. Лето было в разгаре. В Испании в это время трава уже начинала желтеть, сохнуть, сворачиваться трубочкой, пряча от требовательного солнца остатки сэкономленной от последнего дождя влаги.

Здесь все было по-другому: яркие, налитые частыми дождями краски цветов и листьев приятно радовали глаз; трава – сочная и густая, пружиня, стибалась под башмаками, чтобы спустя мгновение снова гордо выпрямившись – продолжать жить.

«Вот так и я пытаюсь выпрямиться после каждого удара, – подумал Иосиф, внимательно разглядывая травинки под ногами. – Только краски уже не те, а привычки заменили желания»...

Иосиф решил пройтись пешком. Сегодня будет очень важное заседание, и ему хотелось еще раз все обдумать. В гетто уже было построено семь-восемь десятков жилых домов, синагога, школа, присутственное собрание, несколько лавок и мастерских. В воздухе стоял запах свежей краски и штукатурки. Это уже был маленький городок, отгороженный от большого и чужого мира каменной стеной.

В Присутственном собрании Иосифа уже ждали. Он быстро, ни на кого не глядя, прошел через набитую людьми приемную и вошел в комнату. За круглым столом, каждый на своем месте, оживленно разговаривая, сидели члены правления общиной: Симон Маккавей – судья и «правая рука» Иосифа; Илиазар бен Шитрит – казначей общины; ребе Авраам Коэн (старый Гершель умер, так и не дождавшись тепла); и братья Исаак и Авигдор Менаши – строители. Отдельно, за маленьким столиком, сидел писарь и посыльный – Перель.

Иосиф небрежно кивнул присутствующим и занял место за столом. Сегодняшнее заседание было внеочередным, и повод был самый серьезный.

Строительство остановилось. Лес, камень, пенька и другие стройматериалы, давно сваленные большими кучами у ворот поселения, были до сих пор не оплачены, хотя давно прошли все мыслимые и немыслимые сроки. Большая часть людей по-прежнему жила в бараках, с завистью глядя на счастливых, уже обретших собственное жилье. В поселении уже давно назревал конфликт, масштабы и последствия которого выглядели пугающими и непредсказуемыми.

В самом начале все казалось простым и понятным: было кому и из чего строить; с первыми теплыми днями городок стал расти, как тесто на дрожжах, и, вместе с ним, так же быстро, стали расти долги. Люди не спешили развязывать кошельки, у многих, как оказалось, денег не было вообще. Самым серьезным (хотя что могло быть серьезней) было то, что, несмотря на строгое распоряжение герцога, деньги в казну были внесены чуть больше, чем наполовину. Только благодаря полному хаосу, царившему в финансовых делах герцогства, это давало отсрочку, грозя в любой момент разразиться скандалом.

– Сколько денег удалось собрать за эту неделю? – спросил Иосиф, в упор глядя на бен Шитрита.

Тот, обложенный записями, не глядя в них, произнес:

– Стыдно сказать, – меньше двух с половиной тысяч.

Иосиф, словно ожидая такого ответа, мгновенно взвился. Он стукнул кулаком по столу и закричал: – Тебе стыдно сказать? Тебе должно быть стыдно жить! Почему так мало? Только на погашение просроченных счетов за стройматериалы – Иосиф заглянул в услужливо положенный перед ним писарем лист бумаги – нам нужно двенадцать тысяч. Две-над-цать, а не две! И если ты не умеешь заставить платить людей, будешь платить сам. За все сам будешь платить! – раздельно, по слогам сказал Иосиф.

Бен Шитрит, красный, как переспелый арбуз, набычившись, смотрел в окно.

– Легко говорить. Где я возьму деньги? – Он вопросительно посмотрел на присутствующих, словно ища поддержки. – Люди отказываются покидать бараки. наших сборщиков вчера побили камнями. У людей нет денег, и они ждут, чтобы им построили жилье в долг; они готовы подписать любые расписки, и их можно понять. Чтобы иметь деньги, их нужно сначала заработать. А где? Где заработать гончару, если у него нет мастерской? Как заработать ювелиру, если люди забыли об украшениях? Немцы не возьмут их на работу – они сами едва сводят концы с концами. Все, что у людей было, – проедено за зиму, – закончил бен Шитрит, с вызовом глядя на Иосифа.

– Это все? – Иосиф окинул взглядом собрание. – Кто еще хочет что-нибудь сказать?

Все понуро молчали, избегая встречаться с Иосифом взглядом. Лишь один писарь, закусив от старания губу, усердно скрипя пером, строчил без остановки.

– Так, понятно, – на всех пятерых уважаемых членов правления нет ни одной, даже ничемной мысли. Хороши помощники! – Иосиф, раскачиваясь на стуле, презрительно и зло смотрел на окружающих. – Хорошо, будет так. – Он обернулся к по-собачьи преданно смотрящему на него писарю, – к субботе собрать не менее десяти тысяч. – Иосиф жестом остановил вскочившего со стула бен Шитрита. – Деньги взять у зажиточных членов общины – строго поименно, даже если они уже сполна расплатились. – Иосиф стал называть по памяти имена людей, и сумму, которую следовало получить с каждого.

– Всем выдать расписки, – каждую подпишу лично. Не захотят отдавать – отобрать силой – посмотрел на нехотя кивнувшего Симона Маккавея. – Это – первое. Второе – заплатить сполна и немедленно строителям, и отказаться впредь от их помощи. У нищих – слуг нет! Будем строить сами. Наши люди вдоволь насмотрелись и кое-чему уже научились. Хватит им отсиживаться в бараках и рвать на себе волосы. Всех, в том числе и женщин, начиная с завтрашнего дня – ежедневно выгонять на строительство – даже тех, чьи дома уже построены.

– А что делать с теми, кто откажется? – спросил Маккавей тоном, говорящим о несогласии с Иосифом.

– А тем, кто не согласен, выдать из казны по двадцать гульденов и в течение суток вышвырнуть из поселения. Пусть ищут дармовую жизнь в другом месте.

– И последнее. – У Иосифа пересохло в горле, и он отхлебнул глоток воды из стакана, – немедленно начать разбирать бараки. Только так они поймут, что по-другому не будет.

– «Казни египетские!»¹⁰ – Симон Маккавей, как ужаленный, вскочил со стула, размахивая руками и заикаясь от волнения.

– Что ты нне-сешь, Иосиф? Выгнать на улицу больше тысячи ччче-людей? Оставить стариков и детей без крыши над головой? Да они нас просто разорвут на куски!

Иосиф, белый, как молоко, в упор глядя на Маккавея, ответил:

– Не разорвут. А если и разорвут нас с вами, это будет гораздо лучше, чем нас всех, всех без исключения, разорвут на куски немцы – за то, что мы не оплатили счета и налоги. Или вы уже забыли о погромах, о вырезанных до последнего младенца еврейских поселениях, – уничтоженных по гораздо менее значимым поводам, чем наш, сегодняшний?

Он посмотрел на притихшее собрание, на секунду задумался и произнес тихо и мягко: – Я понимаю, что это чрезвычайные меры, но это единственное, что может спасти нас всех от катастрофы. Забудьте о сомнениях и жалости: этот узел уже нельзя развязать – его нужно разорвать. И это, к сожалению, придется сделать нам с вами. Иначе, если то, что происходит сегодня, выйдет за этот забор наружу, – нам всем конец! И вам, и мне, и им – Иосиф кивнул

---

¹⁰ Казни египетские – десять страшных бедствий (казней), посланных Богом Египту за то, что фараон не захотел отпустить евреев из плена.

головой в неопределенность. Он встал из-за стола, подошел к окну и, глядя в яркий, летний день устало и безразлично сказал:

– А тебе, Симон, и вам всем, сомневаться нечего – за все отвечу я.

Глава 8

Лестница круто уходила вниз, в темноту. Редкие факелы, развешанные на мощных стенах по обе стороны, не освещали, а только обрисовывали влажные и скользкие ступени. Мириам, пытаясь отвлечь себя от панического страха, считала шаги, ведущие ее, казалось, прямо в преисподнюю. Дышать становилось тяжело. Жадно раздувая ноздри, она втягивала в себя воздух – спертый, густо насыщенный дымом и плесенью. Наконец ступени закончились. Черный мужчина-карлик, с необычайно широкими для его роста плечами, остановился и сделал рукой предупреждающий жест. Мириам замерла, широко, до боли раскрыв глаза, пытаясь хоть что-то увидеть в крошечной темноте. Она не увидела, скорее угадала, что ступени закончились и они стояли перед каким-то препятствием. Здесь, в абсолютном мраке каменного колодца, чувства обострились до предела. Прежняя жизнь казалась ясной и суетной, просчитанной и взвешенной. Где-то там, наверху, осталось все привычное, кем-то подаренное и узаконенное, веселое или грустное – но предсказуемое и не страшное; где-то там, наверху, остались воздух и жизнь, слуги и солнце. Где-то там, наверху, осталась она – Мириам – молодая и счастливая, почти счастливая...

Карлик зашевелился, нащупал влажную ладонь Мириам и неожиданно сильно сжал, потянув к себе. Мириам сделала шаг вперед и уткнулась в дверь. Она почувствовала неуправляемое, даже не движение, а колебание воздуха и увидела узкую, не толще лезвия ножа, полоску серого света, мелькнувшую внизу, под дверью. Карлик отступил назад, зашевелился, зашуршав складками плаща и вдруг, из-за спины Мириам раздался звук – резкие и громкие: карлик свистел в длинную, странно изогнутую на конце трубочку. Длинный – два коротких и снова – длинный. Он повторил еще два раза свой свист, меняя последовательность длинных и коротких сигналов. Тишина, нарушенная только что карликом, стала еще плотнее и звонче. Ничего не изменилось – ни шороха, ни звука. Замер даже воздух. Жила только серая и неверная, еле видимая, или кажущаяся видимой, полоска света под дверью. Сколько они простояли: минуту? Час? Жизнь? Страх Мириам, дойдя до самого дна ее души, кончился. Остались пустота и безразличие.

– Кто и зачем? – вдруг раздался измененный, очень глухой голос за дверью.

– Тот, кто знает дорогу, и тот, кого звали, – громко и четко ответил карлик.

Мириам вздрогнула – где и когда она слышала эту речь? Это был язык, очень похожий на древний, почти забытый язык ее народа, на котором еще, как говорили легенды, молились некоторые племена там, в Палестине, куда с детства мечтала попасть Мириам...

За дверью послышалось движение: лязгнул тяжелый засов, но дверь не открылась.

– Сефарим, Алоштам, Гашер!¹¹ – торжественно и глухо произнес тот же голос за дверью.

– Иштар, Алвазел, Узанна! – ответил карлик.

Дверь медленно открылась, и Мириам, будто ее легонько подтолкнули в спину, оказалась внутри. Она растерянно обернулась, инстинктивно боясь разорвать окончательно тонкую ниточку, связывающую ее с внешним миром. Карлик исчез, растворенный мраком. Да и был ли он вообще?

Там, куда смотрела Мириам, была черная дыра. Дверь захлопнулась, и она медленно повернулась навстречу тому, чего очень боялась и еще больше хотела.

Комната была просторной и, после абсолютного мрака «колодца», казалась ярко освещенной. Окон не было; стены, выкрашенные в черный и красный цвет, были испещрены надписями на непонятном языке, символами и рисунками. На противоположной от двери стене,

¹¹ Серафим, Алоштам, Гашер – каббалистические заклинания.

распластав крылья за рамки круга, ее очерчивающего, неслась прямо на Мириам огромная летучая мышь – с темным, искривленным страданием ртом на человеческом лице.

На низком, круглом потолке, во всю его величину, была нарисована пятиконечная звезда, в центре которой торчал камень с отверстием внутри. Из отверстия, медленно растекаясь под потолком, струился голубоватый дым, наполняя комнату запахом жженой шерсти. Повсюду – вдоль стен, на необычной формы сундуках и комодах, старинных по виду и испещренных, как и стены, диковинными знаками – горели свечи – множество свечей – черных и белых, в последовательности, которую трудно было понять, но которая сразу же бросалась в глаза. Черные свечи были толще и длиннее белых, горели неровно, но значительно ярче, распространяя дурманящий запах. На каменном, очень грубом и неровном полу, в самом центре, стоял длинный и узкий, покрытый черной тканью стол с отверстием, размером с головку новорожденного ребенка в центре. Стол опирался на восемь массивных каменных столбов, на каждом из которых были изображены языки пламени. Присмотревшись, Мириам вздрогнула: стол находился в центре, как будто бы отраженной от потолка, пятиконечной звезды. Под ним, точно совпадая с отверстием в столе, в каменном полу зияла дыра, с пятнами засохшей крови вокруг. Казалось, что восемь языков пламени, рожденных черной звездой на полу, взобравшись по каменным колоннам, жадно пожирала приготовленное для кого-то ложе. Рядом, у самого изголовья, на каменной подставке, лежала открытой огромная и толстая, с выдавленными на кожаных страницах знаками и рисунками, книга.

У Мириам мелко застучали зубы, ноги уже не держали ее. Она оглянулась, ища, куда бы присесть, – но нигде не было ни стула, ни скамейки. Секунду помедлив, Мириам опустилась прямо на пол и закрыла глаза. Исчез подвал, вместе с его страшной и непонятной символикой – исчез, как и не был, придя ниоткуда и уйдя в никуда. И только могильный холод каменного пола, пронизывающий тело Мириам, не давал забыть, что она здесь, в обители сил, бросающих вызов самому Богу!

Мириам хотела ребенка. Хотела так сильно, что казалось – появишься он у нее, и можно умереть потому, что большего от жизни желать нечего. Это желание стало физическим кошмаром каждого ее дня. Она хотела и не могла. Мириам использовала все мыслимые и немыслимые средства: краснея и сгорая со стыда, после любви с мужем, задирала ноги кверху, чтобы не растерять, не выпустить из себя даже каплю его семени; жарко, находя самые нужные слова, молила Бога открыть ее чрево, обещала отдать все и саму себя за радость приложить к своим налитым жизнью грудям маленький, похожий на Иосифа, комочек ее плоти.

По совету всезнающих бабок и гадалок жгла ночью на кладбище простыни со следами семени мужа; закапывала глубоко в землю, на рассвете, свое «обычное», женское. И всякий раз ждала как чуда, что вот теперь она «понесет»; прислушивалась к своему телу: не тошнит ли, не ломит ли поясницу? Тошнило и ломило, но не беременелось. И вот она здесь, и это последнее, на что еще надеялась Мириам.

Неделю после того, как ее служанка и подруга детства Руфь, краснея и бледнея от страха, запинаясь и замолкая на полуслове, сказала ей, что есть тайные люди, пришедшие с Востока, познавшие обе стороны жизни и умеющие проникать туда, куда уходят, чтобы не вернуться, что эти люди могут помочь ей и, если, Мириам решится, то она, Руфь, сведет ее с ними – неделю Мириам не спала и не жила. Обливаясь холодным потом, молила Бога понять ее и простить. И вот она здесь. И она не уйдет, даже если это будет стоить ей жизни, даже если сейчас откроется дверь и ей, пока не поздно, предложат вернуться обратно – в теплый и светлый, родной и привычный, но уже изменившийся для нее мир.

Мириам открыла глаза и поспешно встала с пола, услышав тихое и далекое, постепенно приближающееся пение. Вдруг пламя ровно горевших свечей затрепетало, почувствовалось легкое движение воздуха и стена, слева от Мириам, отошла в сторону, пропустив в образовавшийся проем людей. Один за другим, глядя в пол, медленно вошли одинаково одетые в чер-

ные плащи, с глубоко надвинутыми на голову капюшонами, пять человек. Они направились к центру и стали двигаться вокруг стола. Пение усилилось. То один, то другой, вдруг замирали, выкрикивали что-то непонятное – воздевая руки к потолку. В эти моменты дым, струившийся сверху, усиливался; запах становился резче, нестерпимей.

Люди вокруг стола задвигались быстрее: кричали, дергаясь в судорожных конвульсиях, уже все сразу. Дым мощным потоком вливался в помещение – резал глаза, набивался в рот и легкие. Мириам стала задыхаться. Дым, проникнув в мозг, заполнил его до предела, разрывая голову на множество кричащих кусков. Глаза заволокло туманом, и в этом тумане, в угасающем сознании, замелькали видения: бездна черная и манящая, на краю которой раскачивалась Мириам; руки, покрытые язвами и струпиями – множество рук – тянулись к ней из пропасти, хватая за платье и увлекая вниз. Она была в белом, и всякий раз жадные руки отрывали полоску ткани, оставляя на ее теле глубокие, кровавые раны. Эти руки уносили ее в пропасть по кускам, и она не могла убежать, потому что вместо ног из лужи черной и густой крови торчали два столба, пожираемые огнем – точно такие же, как те восемь, подпирающие холодный стол. Мириам закричала, попыталась вырваться, убежать... Сознание, откуда-то издалека, медленно возвращало ее на землю. Руки и ноги занемели, тысячи злобных иголок кололи тело, что-то горячее и липкое разливалось на животе. Она медленно открыла глаза. Черная звезда на потолке уже не дышала дымом; из отверстия в камне, тонкой, прерывающейся на капли струйкой, текла на живот красная жидкость.

«Кровь!» – в ужасе подумала она.

Мириам попыталась вскочить, и иголки – с новой силой – впились в ее тело.

Мириам, голая, лежала на столе, распластанная, словно распятая, с широко разведенными и крепко привязанными руками и ногами. Она, насколько это было возможно, скосила глаза: над ней, монотонно читая ту самую книгу, стоял человек в черном. Он читал, то поднимая до визга, то опуская до шепота голос, и те, другие, которых Мириам не могла видеть, повторяли за ним воющими, тоскливыми голосами. Свечи больше не горели: только звезда в потолке странно светилась – переливаясь от тускло-желтого до ярко-красного цвета. И в этом неверном свете, в воздухе, ставшим осязаемо плотным, носились, задевая Мириам, чудовищные птицы и животные, с уродливыми, покрытыми наростами и гноящимися ранами телами; среди них мелькали люди, вернее то, что от них осталось: полуистлевшие, с черными впадинами глаз, искривленные нечеловеческими страданиями лица; ребенок – с двумя безглазыми головами и оторванными конечностями – беспомощно крутился, как в водовороте, не находя точку опоры...

Черный человек вдруг перестал читать.

– Она очнулась, – тихо сказал он.

– Пора, – ответил другой голос.

Пять человек, откинув с лиц капюшоны, с трех сторон подошли к столу. Они положили руки на живот, лоно, грудь Мириам, окуная их в густо стекающую с ее тела кровь. С той стороны, которая оставалась свободной, медленно подошел сгорбленный, старый по виду человек, в белой, расшитой золотыми знаками, одежде. Он низко склонился над столом, пристально вглядываясь в лицо Мириам. Откуда-то, тихо и незаметно, к нему подошла совершенно голая, с едва наметившимися женскими формами, девушка-подросток. В ее широко раскрытых глазах, смотревших не мигая в одну точку, была пустота: девушка была слепа. У нее на спине, перевязанное крест-накрест грубой веревкой, что-то шевелилось.

Старик медленно выпрямился и поднял взгляд к потолку:

– Азраил! Савухар! Гедона! – громко, неожиданно сильным голосом, прокричал он.

– Астарт! Ремаха! Бероз! Я, Иерарх и Посредник, именем Халдеи и Вавилона взываю к Вам и вызываю Вас.

– Азраил! Савухар! Гедона!

– Астарта! Ремаха! Бероэс! Покиньте мертвых и придите к живым! Заклинаю вас девятью заклятиями Халдеи! – старик уже кричал, корчась в судорогах и брызжа слюной.

Тело его судорожно напряглось и выгнулось назад, дугой и, одеревеневшее, медленно оторвавшись от пола, повисло в воздухе. Стоящие вокруг упали на пол, распластавшись на нем и слившись с ним. Стало очень холодно, запахло гнилью и тленом. Звезда в потолке ярко вспыхнула, затрещала и погасла. Что-то огромное, невидимое и неосязаемое, заполнило все пространство помещения. Оно ухало и булькало, стонало и выло, и от него исходило тяжелое зловоние.

Старик вдруг рухнул на землю, глухо ударившись об пол. Он с трудом поднялся и уже осмысленным голосом тихо сказал:

– Пора, они здесь.

Ярко вспыхнули свечи. Девушка, повернувшись слепым лицом к старику, достала то, что было привязано у нее за спиной. Старик бережно взял сверток и большим ножом ловко вспорол его. В его руках, освобожденный от стягивавших ремней, молча сучил ножками посиневший от страха младенец. Старик подержал ребенка на вытянутых руках над телом Мириам и медленно опустил его ей на живот.

– Вы, соединенные в одном теле, связанные одной кровью – слейтесь навеки, как слились навеки день с ночью и жизнь со смертью! – торжественно произнес он, с силой прижимая младенца к Мириам.

Ребенок задергался, заплакал и закричал.

– Именем и волею тех, кто страшнее и сильнее самого страха и силы – да будет чрево твое отныне открыто! – услышала откуда-то издалика Мириам, погружаясь в глубокий обморок...

Глава 9

Прошло больше полугода с того злополучного дня, когда Иосиф последний раз был в герцогском дворце. Он все реже вспоминал о своих страхах и унижении: жизнь брала свое – брала у всех, в том числе и у Иосифа. С приходом тепла у него в душе поселился холод; холод и скука – предвестники равнодушия и старости.

– А, Иосиф, друг мой, заходи, заходи, не стесняйся! – Герхард только что встал с постели и, смешно выворачивая босые ступни, в просторной ночной рубашке, семенил Иосифу навстречу. Он небрежно смахнул с банкетки беспорядочно сваленную одежду и жестом пригласил садиться.

Иосиф любопытно и быстро, сквозь полумрак задернутых на ночь штор, разглядывал герцогскую спальню, ища почему-то и не находя следы женского присутствия.

– Садись, садись – герцог, подтянув ночную рубаху, уже сидя на банкетке, нетерпеливо дергал Иосифа за руку.

Иосиф осторожно, на самый краешек, инстинктивно подальше от герцога, опустился рядом, настороженно и вопросительно глядя на источавшего радушие и любезность Герхарда. Слуга, незаметно просочившийся в дверь, раздвинул шторы, впустил солнце понежиться на скомканных простынях герцогской кровати.

– Как дела в общине? Ты доволен? Мы сделали все, как вы просили. Что-то давненько ты к нам не приходил, – герцог сыпал вопросами, не ожидая ответов. – Иосиф, – Герхард, заметив присутствие слуги, жестом отослал его прочь – ты умный человек, Иосиф, хоть и еврей. Нет, нет, не подумай, что я что-то имею против евреев, – заметив настороженный взгляд Иосифа, поспешил оправдаться герцог. – Меня не интересует, как других, что вы там делаете в своих синагогах, и я не суеверен; тем более не верю этим басням, что евреи приносят в жертву своему Богу младенцев и всякой прочей ерунде. Это все церковные сказки для безграмотной черни. А что, честно, ведь и вправду не приносят? – Герцог так наивно и с каким-то детским испугом смотрел на Иосифа, что тот, неожиданно для самого себя, громко рассмеялся.

– Ну, ну, да, конечно, это я... так, к слову, – засмутился Герхард. – Иосиф, – уже серьезным тоном продолжил он, – скажи откровенно, тебе не надоела эта мышьяная возня в вашей общине? Мне доложили, что ты проводишь там все свое время. Это правда?

Иосиф пожал плечами, не понимая, куда тот клонит:

– Вы сами, ваше высочество, назначили меня главой общины, а я привык добросовестно относиться к своим обязанностям.

– Да, да, добросовестно... – герцог придвинулся ближе к Иосифу. – Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Ты ведь там, в Испании, был банкиром – хорошим банкиром.

Иосиф сделал протестующий жест:

– Это не совсем так: я действительно немного занимался финансами, но..

Герхард не дослушав, перебил: – Не скромничай, это нам не к лицу. Пусть женщины этим занимаются. Настоящего мужчину красят шрамы и ум. Ума у тебя, я думаю, достаточно, а шрамы я тебе обеспечу. – довольный своей шуткой, засмеялся герцог. – Понимаешь, Иосиф, у меня богатые, обширные владения: города, поместья, леса, три аббатства, четыре монастыря, пятнадцать замков, – Герхард сосредоточенно загибал пальцы – много плодородной пашни и виноградников, соляные копи, рудники и еще много всего. Конечно, это будет поменьше, чем, скажем, у Вительсбахов и Люксембургцев, но, все равно, достаточно много.

Он замолчал, думая, не забыл ли еще что-то перечислить, махнул рукой и продолжил: – Всего много и скоро, даст бог, может быть, будет еще больше. Только толку от всего этого мало. Мои дворяне сладко пьют и жрут в своих замках и поместьях, но когда доходит до уплаты

налогов – визжат, как недорезанные свиньи, что они разорены и живут на грани нищеты. Я, конечно, могу вытряхнуть из них душу. Только даст ли это мне деньги? Вот вопрос. Что-то не так в моих делах, понимаешь? Мой ландгофмайстер¹² – Конрад фон Эдельсбах, вместе с моей женой, – герцог нахмурился, видно зло о чем-то подумав, – ни черта не смыслят в управлении и финансах, или... или... в общем... ну что-то не так, как должно быть.

– Понял?

Иосиф неопределенно кивнул.

– Ну, вот... – герцог замялся.

Его явно что-то смущало, не давало высказаться прямо. Складывалось впечатление, что он сам еще ничего не решил, только нащупывал, и это решение должно прийти к нему сейчас, в ходе этого, как показалось Иосифу, очень важного для Герхарда разговора.

Герцог насупился, разозлившись на свою нерешительность, и уже более сухо и внятно, не мигая глядя в глаза Иосифу, как отрубив, продолжил: – Я сам бы мог, конечно, во всем этом разобраться. Можешь не сомневаться – мне хватило бы недели, чтобы вытрясти из этих воров правду, а заодно и мои деньги. Но рыцарю, такому рыцарю, как я, не пристало копаться в бумажках. Мне легче водить раскаленным железом по коже, чем пером по бумаге! Да и что это даст? На смену одним ворах придут другие – еще более вороватые, но уже более осторожные. Тебе я верю: ты еврей и за твоей спиной не стоят титулы и гербы. Ты будешь работать если не за совесть, то за страх, что еще лучше и надежней. А я тебя, клянусь смертью Христовой, не обижу: ты получишь такие привилегии, которые и не снились моим министрам и ландсманам, не воздушные привилегии, а реальные – властные, которые ты, я знаю, сумеешь превратить для себя в звонкую монету. Да и евреям твоим от этого будет только лучше. Я – рыцарь и не собираюсь за тобой подглядывать. Делай, что нужно для меня, и если при этом ты не забудешь о своем, вашем интересе – мне все равно. Понял, Иосиф? Я сделаю тебя своей правой рукой, даже, если при этом все святые, вместе взятые, перевернутся в своих гробах! Верни мне только мои законные деньги. Моя земля, мои города, должны рожать, рожать для меня живые деньги. А если они действительно бесплодны – я поступлю так, как поступали наши предки с бесплодными женщинами: камень на шею и в реку. Тебе понятно, Иосиф? Только я их утоплю не в реке, а в их собственной крови, клянусь мощами святого Варфоломея! – герцог смотрел зло и надменно.

Этот полный холодной злобы и решительности взгляд человека одетого, или, скорее, раздетого в ночную рубаху мог бы показаться смешным, если бы не казался страшным. Герцог замолчал, пристально глядя на Иосифа.

Иосиф лихорадочно соображал: это могло быть для него огромной, внезапной удачей, дающей невиданные, огромные в своих почти неограниченных возможностях перспективы, или гибелью – близкой и неотвратимой, тем больше и скорее, чем больше и скорее окупнется он «во внутренности» герцогских финансов.

Иосиф посмотрел на герцога:

– Я могу подумать? – спросил он.

– Ну-ну, подумай, – с расстановкой ответил тот. – Только мне кажется, что ты уже подумал, – сказал герцог, – близко, совсем близко, так, что слышалось его дыхание, приблизившись к Иосифу.

В комнате, несмотря на жару, было прохладно. Иосиф распрямил занемевшую спину, медленно, похрустывая костями, разогнулся и откинулся на стуле, вытянув ноги. Спустя несколько минут он встал и подошел к окну. Иосиф задумчиво смотрел в пышный, перелива-

---

¹² Ландгофмайстер, ландсман – высокие должности при дворах средневековой Германии.

ющийся всеми красками цветочной палитры парк – раскинувшийся, сколько хватало глаз, под окнами его кабинета.

Десять последних дней – с раннего утра и до позднего вечера, он дотошно и скрупулезно разбирался в герцогских бумагах. Свитки, рулоны, счета, просто записки – густо исписанные цифрами и словами, горой лежали на большом письменном столе, переполняя его и сползая, словно убегая, на пол.

Иосиф был поражен: герцогские владения – обширные и многоплановые – давали огромные доходы, которые, не задерживаясь, утекали, как вода в щели, в многочисленные дыры и прорехи, наполняя чужие карманы и кошельки. Соль и метал, зерно и масло, лес и пенька – ежедневно отправлялись в герцогские закрома, сказочным образом терялись, исчезая по дороге, в лучшем случае, наполовину. Тонкий ручеек денег, вырученных от продажи продуктов и продукции, не покрывал и трети стоимости, закупаемых для нужд двора, всевозможных товаров.

Герцогский дворец, словно сказочное, ненасытное чудовище, поглощал все, без разбора: фрукты и вино из Италии и Испании; ткани из Китая и Персии; пряности из Индии и Аравии; ковры из Персии и Бухары; меха из Польши и Руси...

Иосиф долго не мог поверить, снова и снова вчитываясь в бумаги: из Африки было привезено диковинное, тонущее в воде и тверже метала дерево, в количестве, хватившем бы с лихвой для отделки чуть ли не половины герцогского дворца! И за это диковинное и никем во дворце так и не виданное дерево, было отмерено золота по весу – один к одному! Одни и те же товары довольно часто оплачивались дважды: звонкой монетой и векселями. Множество счетов были грубо, вызывающе нагло подделаны и подчищены. И среди многочисленных поставщиков, откровенно, без оглядки, грабивших герцога, чаще других мелькало имя итальянца Бенвенутто.

Вначале Иосифу показалось, что весь этот, мягко выражаясь, беспорядок, возник из-за безграмотности и лени тех, кому герцог доверил управление своим хозяйством. Но привычка докапываться до самых мелочей, многолетний опыт работы с деньгами и товарами, натолкнули Иосифа на мысль, которая, со всех сторон проверенная, привела его к догадке, расставившей все по своим местам. По-другому посмотрев на бумаги, сопоставив поступление денег и их расход, Иосиф обнаружил, что самые большие и дорогие партии товаров закупались именно тогда, когда казна была почти пуста. И, что было вполне естественно, за товары расплачивались долговыми векселями, через некоторое время покрывая их деньгами. На первый взгляд – все было правильно. Только потом, спустя довольно продолжительное время, когда об этом уже никто не помнил – векселя, уже давно оплаченные – предъявлялись и оплачивались снова. И в этом, похороненная под необязательностью и неразберихой, проглядывала еле заметная, но четкая и продуманная система.

Иосиф задумчиво теребил бородку. Огромное, на вид мощное герцогское хозяйство шаталось, как карточный домик, грозя в любой момент рухнуть и похоронить под своими развалинами следы откровенного, кем-то четко спланированного грабежа и разбоя. Самые плодородные земли, замки, поместья, были заложены, или отданы на откуп, даже не за долги, а лишь за проценты по долгам, многократно превышающие сами долги.

Иосифу стало жаль герцога: в нем вдруг заговорил не банкир, а человек. Герцог представлялся Иосифу в виде огромного, пестро раскрашенного, ярмарочного барабана – внутри которого перекачивались пустота и эхо.

Он подошел к столу и, на мгновение заколебавшись, сгреб еще не перебранные и не прочитанные бумаги в сундук; закрыл его на ключ и вышел в сад.

Иосифу многое нужно было обдумать: слишком много людей и влиятельных имен проглядывало сквозь скупые цифры бумаг, беспорядочно сваленных на полу в комнате, которую он только что покинул.

– Слишком много, – вслух произнес Иосиф, – хотя достаточно одного из них, любого из них, чтобы сломать мне хребет.

Он тяжело вздохнул, понимая, что обратной дороги для него просто нет. Он невольно стал хранителем знаний, которые, как стрела, пущенная из арбалета, могли убить наповал; знаний, которыми, как едой, можно было отравиться.

«Надо осторожно, ничего не открывая, поговорить с Бенвенутто: он по уши в дерьме, а значит, будет мне неплохим советчиком», – решил Иосиф.

Иосиф, погруженный в свои мысли, не сразу заметил, что на аллее он не один.

Услышав голоса, он обернулся: позади, уже совсем близко, в окружении фрейлин и статс-дам к нему приближалась молодая, богато, если не роскошно, одетая женщина. Иосиф от неожиданности растерялся, хотел отойти в сторону; вдруг передумал, повернулся навстречу уже подошедшей группе и, еще не зная, но уже догадываясь, кто к нему приближается, склонил голову в глубоком поклоне.

– Ты, Иосиф, еврей из Толедо? – услышал он мягкий и одновременно властный голос.

Иосиф поднял голову: – Да, я Иосиф, ваше высочество, – ответил он еще раз и еще ниже поклонившись.

Солнце заканчивало свой день. Медленно опускаясь и разбухая, растеряв по дороге, как молодость, свой жар, оно ласково касалось верхушек деревьев, нежно и трепетно прощаясь перед уходом с каждым листиком и цветком. В его последних лучах перед Иосифом стояла Маргарита – первая дама герцогства и первая женщина, поразившая его своей красотой.

Маргарита была в той своей женской поре, когда молодость, на одном дыхании добежав до вершины, наполнив каждую клеточку тела живыми, сладкими соками – гордо выставляет себя напоказ, буйствуя и крича: смотрите, любуйтесь, завидуйте – так есть и так будет всегда!

Густые, волнами ниспадающие до середины спины – медно-рыжие волосы обрамляли тонкое, породистое, мраморно-белое лицо; неправдоподобно большие, ярко-зеленые, блестящие, с легкой, манящей поволокой глаза, в густой паутине черных ресниц; узкий, с тонкими и трепетными ноздрями, словно позаимствованный у античных скульптур, нос, над ярко очерченными, чуть-чуть припухшими губами...

Она была бы прекрасна, если бы не холод и надменность, пронизывающие весь ее облик – от ясного, высокого лба, до изящных, тонких лодыжек.

«Кукла! Холодная, восковая кукла!» – почему-то с раздражением и неприязнью подумал Иосиф, еще не понимая, как глубоко поразила его внешность герцогини.

Маргарита более открыто и с не меньшим интересом и удивлением рассматривала Иосифа. Она много раз сталкивалась в своей жизни с евреями: маленькими, серыми и неприметными. Они бесшумно появлялись при дворе, низко и часто кланялись, как будто извиняясь, что существуют на этом свете; суетились, показывая товары и предлагая услуги. Они постоянно дергались, закатывали к небу глаза и размахивали руками, дергая за смешные веревочки, свисающие со всех сторон их странной одежды. И кланялись, кланялись, кланялись. После них хотелось открыть все окна, впустить в помещение солнце и воздух.

Мужчина, стоящий перед ней, совершенно опровергал привычные представления.

Высокий, стройный, элегантно – по последней моде одетый; умный, ироничный, без тени раболепия, взгляд живых оливковых глаз; тонкий, с горбинкой нос на смуглом лице; узкие, волевые, четко очерченные губы. Короткая, с проседью борода, довершала портрет скорее мыслителя и ученого, чем банкира и торгаша.

Будучи абсолютно индивидуальными, черты его лица напоминали Маргарите лица воинов, библейских пророков... но не евреев. Он был красив устоявшейся, зрелой мужской красотой, грозящей еще очень не скоро плавно перейти в благообразную старость.

Пауза неприлично затягивалась. Фрейлины и статс-дамы за спиной у Маргариты зашумели. Она слегка обернулась, и свита сразу затихла: дамы склонили головы и присели в полупоклоне.

Маргарита нахмурилась, мгновение раздумывала и, презрительно глядя на свою свиту, протянула Иосифу руку для поцелуя:

– Я слышала, что ты с некоторых пор в фаворе у нашего супруга? – безучастным голосом спросила она.

– Я так не думаю. Просто я пытаюсь помочь его высочеству разобрать некоторые бумаги – уклончиво ответил Иосиф.

– Пытаюсь разобрать... – раздраженно передразнила его Маргарита. – Хорошо: когда попытки и разборы закончатся, мне тоже любопытно будет узнать об этом, – уже проходя мимо посторонившегося Иосифа, закончила она разговор.

Иосиф растерянно смотрел вслед герцогине. Стоял еще долго, ни о чем не думая. Просто стоял...

Мириам проснулась среди ночи от дурноты, выворачивающей ее наизнанку. Живот разрывало на части, во рту было сухо и горько. Она испугалась, резко откинула одеяло и вскочила с кровати, держа двумя руками за горло. Оглянувшись на спящего мужа, Мириам, стараясь не шуметь, побежала в уборную. Последние несколько дней ее тошнило. Мириам старалась поменьше кушать, тщательно скрывала от всех, даже от Иосифа, свое состояние.

«Неужели беременна? – со страхом и надеждой думала она. – Неужели беременна!» – пульсировала в голове мысль, заполняя ее всю и вытесняя все остальное. Мириам тщательно скрывала от всех свою беременность, старалась не попадаться на глаза Иосифу и слугам, прячась в самых укромных уголках своего большого дома. После того злополучного дня, когда «черные» люди свершили над ней страшный обряд, Мириам словно обезумела: она вздрагивала от каждого громкого звука, панически стала бояться темноты. Черный и ядовитый страх сдавливал ее сердце тесным, железным обручем.

«Я пошла против Бога! Я забеременею и рожу чудовище – такое, как одно из тех, что я видела там, в подземелье! Нет, нет, нет! Этого не может со мной случиться: Бог милостив – он поймет и простит. Ведь я не имею ничего общего с теми людьми: я просто хочу ребенка! Пусть только он будет, пусть только он будет нормальный – я замолю свой грех, я отдам всю себя только одному Богу!» – Мириам бросалась от отчаяния к надежде, не смея поделиться с кем-нибудь своим страхом.

Она едва успела распахнуть дверь в уборную, как ее вырвало прямо на пол. Мириам стало немного легче, но на смену дурноте пришла свинцовая слабость. Ноги дрожали, идти не было сил; она покачнулась ища опору, и опустилась на пол. Она сидела долго, собиралась с силами, тяжело и хрипло дышала, вытирая рукой пот, стекающий с лица на рубаху. Дом спал – совершенно равнодушный к ее страданиям. Мириам вдруг стало обидно и по-детски жалко себя. Соленые слезы, перемешиваясь с горьким потом, покатались по щекам. Она была одна во всем мире, наедине со своим страхом и болью. Мириам прислушалась к звукам спящего дома: «Хоть бы кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь пришел бы и пожалел меня, как когда-то в детстве, погладил и развеял все страхи», – с тоской подумала она.

Спустя еще несколько долгих минут Мириам оперлась руками о пол, медленно, по-стариковски, сантиметр за сантиметром, поднялась на ноги и, держась за стену, пошла обратно, в спальню.

Иосиф проснулся, почувствовав вдруг, что жены нет рядом. Он открыл глаза и увидев мелькнувшую в дверях ночную рубашку, тихо, «на цыпочках», пошел следом. Он видел, как рвало Мириам в уборной, как некрасиво раскорячившись, она извергала содержимое своего

желудка, вытирая потрескавшиеся, распухшие губы ладонью; он видел, как липкий пот стекал по ее отекему, серому, ставшему враз некрасивым лицу и... ему не было жалко.

Женщина, распластанная на полу среди собственных нечистот, была Иосифу чужой. И никакие уговоры, взывание к собственной совести, не помогли ему справиться с раздражением и брезгливостью, которую он только что почувствовал к ней.

Иосиф очень хотел ребенка. Несколько раз за три года совместной жизни им казалось, что вот она наступила, эта долгожданная беременность! Но все кончалось тем, чем кончалось: Мириам в очередной раз принимала желаемое за действительное. Последнюю неделю, видя состояние жены, ее попытки скрыть от всех, даже от него, свое плохое самочувствие – он ничего не спрашивал, боясь спугнуть, слезить то, в чем он, почему-то, был уже совершенно уверен: Мириам наконец-то беременна! Иосиф по-прежнему очень хотел ребенка, но, с недавних пор, еще больше, чем он хотел его, он перестал желать ту, без которой, еще совсем недавно, не мыслил своей жизни.

Иосиф уже не смог больше заснуть: он думал о Маргарите, сравнивая ее с женщиной, метавшейся в беспокойном сне рядом с ним, на кровати. Он пытался прогнать прочь огромные, зеленые глаза на мраморном лице, на которые наплывало, как черная птица, пытающаяся закрыть в полете солнце, – распухшее, выпачканное потом и кровью лицо другой женщины – его жены.

«Это подло, – пробовал пристыдить себя Иосиф, – это твоя жена, твоя Мириам, больная от тебя твоим ребенком», – твердил он, понимая, что эта неприязнь, внезапно вспыхнувшая в нем помимо его желания и воли, заполняет его целиком, не оставляя места для сомнения и жалости.

Иосиф расхаживал из угла в угол по своему новому кабинету на первом этаже герцогского дворца. Работа, которую он поначалу намеревался сделать за несколько дней, потребовала гораздо больше времени. Если бы кто-то, еще две недели тому назад, сказал Иосифу, что то, что он обнаружит в бумагах герцога, напрямую коснется его жизненных интересов – он бы ни за что не поверил. Да что две недели – еще вчера, уже все практически закончив, проверив и подсчитав, он не увидел того, что сегодня, случайно обнаруженное, намертво переплело его судьбу с судьбой герцога Кельнского.

Да, герцога грабили, и это было, в общем-то, обычно для большинства владетельных и полуграмотных феодалов.

«Какая мне разница, – рассуждал Иосиф – в чьи карманы попадают деньги – в герцогские или его вороватых дворян? Меня это не касается. Герцог хочет знать правду и он ее узнает. Он мне доверился и я его не подведу, тем более, что это выгодно и для меня тоже».

И уже все подсчитав и записав, подготовив отчет для доклада герцогу, Иосиф, скорее из любопытства, нежели что-то заподозрив, выписал для себя перечень поместий и ленов, которые были отданы в заклад за последние несколько лет.

Перечень был довольно длинным и, где-то на середине, наткнувшись на знакомые названия, Иосифа обожгло страшное предчувствие. Он бросил все на столе, поехал домой, схватил в охапку векселя и закладные, купленные у Мальдивы, и стремглав помчался обратно во дворец. Предчувствие его не обмануло: он купил ветер и пыль, потратив на это большую часть своего состояния. У него были тоже подлинные бумаги, но выписанные позже, на уже заложенные поместья. А это означало, что ни один суд не признает их действительными. Иосиф купил то, что еще раньше уже было куплено другими. В первые минуты, еще не осознав значимость потери, Иосифа пронзила ярость.

«Неужели Мальдивы – старинный приятель, честное имя которого было известно всей Европе, оказался просто мошенником? Нет, что-то тут не так – слишком уж все просто и на поверхности, – пытался спокойно рассуждать Иосиф. – Ведь я с Бенвенутто тщательно прове-

рил каждую бумагу – печати, подписи свидетелей – все было подлинным и на своих местах. С Бенвенутто... Значит, обманут не только я?»

«С Бенвенутто... – уже вслух повторил Иосиф, ловя «ниточку» какой-то ускользающей мысли. – Итальянец купил тоже на приличную сумму. Купил? А ты видел, как он платил Мальдивы деньги? Ты при этом присутствовал? – задал себе вопрос Иосиф. – Нет, не видел! – Он снова стал лихорадочно перебирать бумаги. – Вот, так и есть!» – злобно выкрикнул Иосиф, швырнув бумаги на стол.

На некоторых герцогских закладных – подлинных закладных – стояла свидетельская подпись Бенвенутто!

«Значит, Бенвенутто знал, что я покупаю фальшивки. Более того, он сам советовал взять именно эти закладные, как наиболее выгодные и перспективные. Значит – это Бенвенутто! И рассчитал он, в общем-то, верно: минимум пять – шесть лет должно пройти до того, как я смог бы воспользоваться этими бумагами. А за это время будет война, о которой все здесь твердят, и кто потом разберется: что подлинно, а что подделка? Все правильно рассчитал Бенвенутто – все, кроме того, что я получу доступ к герцогским бумагам; причем получу его очень быстро, настолько быстро, что в памяти моей не успеют стереться названия поместий и земель, купленных по его совету и с его подлой помощью. Сколько времени я не видел Бенвенутто? – подумал Иосиф. – Месяц, нет, полтора. Значит, он еще не должен знать, что герцог назначил меня своим Советником. Что ж, ты сам подписал себе приговор и ты умрешь, Бенвенутто, но не раньше, а только после того, как вернешь мне все, до последнего», – Иосиф рассуждал уже спокойно и трезво.

Ты забыл, Бенвенутто, что когда Назаретянин¹³ проповедовал вам о всепрощении – меня не было рядом: зато я хорошо слышал, как говорил Авраам¹⁴: «око за око, зуб за зуб».

Иосиф снова вернулся к работе и стал переделывать то, что завтра должно быть показано герцогу. Иосиф решил, что Герхард должен увидеть и узнать все то, что увидел и узнал он сам, причем увидеть его, Иосифа, глазами.

«Чем яснее будет картина, чем больше конкретных имен, не взирая на титулы и положение, будет открыто герцогу, тем больше шансов у меня получить свои деньги обратно, – думал Иосиф. – Если только я не ошибся в герцоге, если он действительно способен на решительные поступки, – он будет мстить и карать, и полетит не только голова мелкой сошки Бенвенутто. Многим влиятельным дворянам придется ответить, и тогда мои бумаги станут единственно подлинными документами. Но сначала кое-что должна узнать от меня герцогиня. Только то, что сразу выдаст ее, если она замешана в этом», – решил Иосиф.

Но ни на следующий день, ни через неделю, Иосиф не пошел к герцогу. Всю ночь, меряя шагами свой кабинет, он думал, взвешивая все за и против. Слишком большой груз взвалил он на себя и надо было продумать все мелочи, все последствия и возможные неожиданности.

«Обязательно будет расследование; будут допросы и пытки. А что, если герцог предоставил в мое распоряжение не все бумаги? Что, если обвиненные мной бароны сумеют опровергнуть улики, или мои доводы покажутся герцогу неубедительными? – думал он. – Тогда конец мне и моей семье. Да что мне, озлобленные бароны вырежут всех нас. Господи! Помогите мне, Господи. Открой глаза мне, вразуми и укажи истинный путь. Молю тебя, Господи! Не только за себя прошу, но и справедливости ради», – молился Иосиф.

Так прошла ночь, а наутро, освежив лицо ледяной водой, Иосиф был уже в пути. Пользуясь своей новой, неограниченной по своим возможностям должностью, Иосиф решил посе-

---

¹³ Назаретянин – одно из прозвищ, данных Иисусу Христу.

¹⁴ Авраам – праотец еврейского народа.

тить поместья и замки некоторых, замешанных в казнокрадстве, влиятельных дворян; увидеть своими глазами соляные копи и рудники. Он хотел убедиться, что герцогские земли и поместья его вассалов, добыча соли и производство металла – полумертвые на бумаге – существуют и здравствуют, наполняя золотом карманы заговорщиков. А то, что это не просто воровство, а хитроумный, хорошо спланированный заговор, Иосиф ощущал чутьем – никогда доселе ему не изменявшим.

Конрад фон Эдельсбах – ландгофмайстер, уже бывший управитель делами герцогства, встретил Иосифа спокойно, без внешних признаков удивления. Он не мог не понимать, что неожиданный визит не случаен, – но, кроме холодной, вежливой презрительности к нему – выскочке-еврею, уверенности в полной непогрешимости и безнаказанности, Иосиф не прочел ничего на лице Эдельсбаха. И эта уверенность не была просто бравадой.

Иосиф был поражен мощью стен огромного замка. Здесь все дышало силой и богатством. Замок – дворец, построенный на скале, окруженной глубоким рвом, хорошо охранялся: проехав только от внешних ворот, до внутреннего двора, где Иосифу пришлось спешиться, он насчитал не меньше двух сотен отлично вооруженных – рослых – один к одному – ландскнехтов. Казалось, что замок был совершенно неприступен, но, несмотря на это, готовился к осаде целой армией. У Иосифа засосало под ложечкой в тот момент, когда цепи подвесного моста закрипели за его спиной, отрезав Иосифа от всего остального мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.